

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

На правах рукописи

В.А. Казанцева

Казанцева Вера Анатольевна

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ
КАК ОСНОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Специальность 5.7.7. «Социальная и политическая философия»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент
Н. Л. Худякова

Челябинск — 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ	11
1.1 Общественные функции, цели и средства политической власти в социально-философских исследованиях	11
1.2 Место и роль политической власти в структуре общественного производства и воспроизводства	18
1.3 Власть как свободное развертывание, реализация «Я»	28
1.4 Власть в отношениях между людьми	38
1.5 Политическая власть как особенная форма власти	43
2 ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ И НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	51
2.1 Политическая власть в однополярном мире	51
2.2 Политическая власть в мире суверенных государств	77
2.3 Качества субъекта демократической политической власти как профессионального политика	87
2.4 Качества субъекта демократической политической власти как гражданина	95
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	108
ВЫВОДЫ	110
ПРЕДЛОЖЕНИЯ	114
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	119

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Особенности политической власти в современном обществе как *информационном* определяются: 1) увеличением коммуникативных, а через это экономических, политических и других связей между людьми, что приводит к интенсификации *процесса глобализации*; 2) возрастающей доступностью информации для всех слоев населения и их включением через это в политические процессы, что усиливает *процесс демократизации*.

Усложнение современного общества приводит к необходимости *профессионализации политической власти*, особенно в ее основной форме — форме государственной власти, которая заключается в приобретении политиками качеств, позволяющих им выполнять общественную функцию государственной политической власти.

Способы решения проблемы профессионализации политической власти в современном обществе зависят от складывающейся формы глобализации. Одна из форм предполагает подчинение всего мира одному центру власти и формирование соответствующей целостности. Реализация этой задачи обеспечивается и профессиональной подготовкой субъектов власти, параметры которой задаются теми, кто претендует на роль политического центра для всего человечества. Такая политическая власть действует в интересах отдельной группы людей, а те претенденты на власть, которые не соответствуют требованиям центра, разными способами выводятся из процедуры демократических выборов.

Вторая форма глобализации заключается в установлении общественных отношений на основе гармонизации интересов отдельных стран, групп людей, индивидов. Эта форма глобализации максимально согласуется с принципом демократизации общества, так как при ней все больше людей получают право быть выбранными и все больше людей участвуют в выборах.

Профессионализация субъектов власти при этом затруднена, так как выборы субъектов политической власти происходят на основе их оценивания по случайным критериям и показателям, когда в качестве основания оценки выступают субъективные представления людей о том, что должна делать политическая власть.

Вторая форма глобализации реализуется Российской Федерацией, что требует решения проблем, связанных с установлением политической власти в условиях этой глобализации. Тем не менее общая проблема исследования выражена вопросом: что представляет собой политическая власть, выступающая основанием по-разному складывающейся целостности современного общества?

Степень изученности проблемы исследования. Мы исходим из того, что синтез результатов всех исследований, посвященных проблеме политической власти, позволяет более полно и адекватно действительности установить те ее существенные качества, знание о которых позволит решить актуальные для современности проблемы политической власти.

Возможности политической власти определяются объективными и субъективными основаниями ее возникновения и существования.

Политическая власть как неотъемлемая часть общественных отношений рассматривалась прежде всего в исследованиях, относимых к методологическому коллективизму. С этих позиций политическую власть рассматривали Платон, Аристотель, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс, М. Вебер, Х. Арндт, Г. Лассуэлл, А. Кожев и др.

Функциональная определенность политической власти была уточнена в исследованиях, посвященных выявлению инвариантной структуры общественных отношений, к которым относятся работы Т. Парсонса, П. Бурдьё и отечественных философов — разработчиков сферного подхода к изучению общества: П. В. Алексеева, В. С. Барулина, И. А. Гобозова, К. Х. Момджяна, А. М. Орехова, Л. М. Семашко, С. В. Соколова, Н. Л. Худяковой и др. Названными отечественными философами общество рассматривается как

субстанциональная система, складывающаяся из базовых сфер общественного производства, согласование действий которых обеспечивается политической властью.

Субстанциональный подход при изучении общества, становление которого началось с работ Ф. Энгельса и К. Маркса, позволяет определить один из важнейших показателей оценки действий политической власти: выстраиваемая ею целостность общественной жизни должна обеспечить самовоспроизводство общества.

Рассмотрение власти как воли в работах Ф. Ницше, Г. Спенсера, М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. Блау, К. Поппера, Ф. Хайека, Р. Будона, Л. Альтюссера, Х. Ортеги-и-Гассета и других, а также психоаналитические концепции власти Б. Жувенеля, А. Адлера, К. Хорни, Э. Фромма, Дж. Батлер, С. Б. Каверина и других позволяют осознать как основание политической власти субъективность человека, его свободу. Эти исследования обращают внимание на то, что свободная воля субъектов политической власти может войти в противоречие с необходимостью выполнения общественно значимой функции этой власти.

Работы Г. В. Ф. Гегеля, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, М. А. Розова, Г. П. Щедровицкого, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Б. Невелева и других раскрывают закономерности осуществления политической власти как особенного вида целенаправленной деятельности, что позволяет определить возможности политической власти и ее перераспределения между людьми, определяемые закономерностями осуществления целенаправленной деятельности как культурно-опосредованного отношения. Базовым исследованием политической власти как целенаправленной деятельности является работа Г. В. Ф. Гегеля, в которой описываются закономерные связи между целью, средством, материалом (предметом) и результатом деятельности.

Через рассмотрение власти человека в целом и политической власти в частности как целенаправленной деятельности решается проблема согласования

индивидуальной воли человека с общезначимыми целями в работах Г. В. Ф. Гегеля, Р. Арона и др. В этих работах был осуществлен синтез методологического коллективизма и методологического индивидуализма.

Проблема целей политической власти как достижения общего блага решалась в различных исследованиях, посвященных политической власти. Однако общее благо чаще всего не связывалось с поддержанием определенной целостности общественного бытия, не рассматривалось как форма проявления этой целостности. Проблема конечной цели государственной политической власти была поставлена Г. В. Ф. Гегелем. Определением структуры целей политической власти в условиях современного общества занимаются Н. Боббио, В. Поссенти, Ж. Френд и др.

Проблема основных средств современной политической власти решалась в исследованиях Э. Бартона, Т. Н. Валентя, Т. А. Дейка, А. Г. Дугина, Г. Лассуэлла. Множество исследований посвящено языку как основному средству политической власти. Среди них исследования А. С. Арсеньева, Р. Барта, В. С. Библера, П. Е. Бойко, К. Бюлера, Г. Гуссейнова, Б. М. Кедровой, А. П. Чудинова и др. В работах С. Н. Бледного, А. Г. Дугина, Г. Г. Матвеевой, И. В. Самариной, Л. Н. Селиверстовой определяются основные функции языка в политических отношениях.

В целом особенности политической субъектности были выявлены в работах О. М. Бабич, Дж. Батлер, И. Н. Гомерова, С. Жижека, Р. Д. Унагова.

В работе М. Вебера «Политика как призвание и профессия» политическая власть трактуется как особая профессиональная деятельность, а субъект политической власти — как профессионал в данной области деятельности. Этот подход к рассмотрению политической власти позволяет наиболее гармонично сочетать общественно значимые функции политической власти с индивидуальной формой ее осуществления. Политическая власть как профессиональная деятельность рассматривается в исследованиях в области политологии, политической психологии, политического менеджмента и политического

консалтинга, но современных социально-философских исследований по этой проблеме недостаточно. В работах Платона, Плутарха, Конфуция, Н. Макиавелли были выявлены наиболее важные качества субъекта власти, которые могут рассматриваться и как качества профессионального политика.

Проблемы демократии и гражданского общества рассматриваются в работах З. Баумана, Б. Г. Капустина, С. А. Нижникова, Ю. М. Почты, Д. В. Рейбрука, Д. А. Силичева и др.

Качества гражданина исследуются в работах В. Л. Абушенко, А. С. Гаязова, Б. С. Гершунского, В. Х. Джаббарова, А. С. Макаренко, С. Б. Савелова.

Роль ценностей в формировании качеств субъектов политической власти как политика и как гражданина рассматривается в работах Л. В. Баевой, А. Н. Ильина, Р. Х. Лукмановой, С. М. Поздняевой, З. Я. Рахматуллиной, Ф. С. Файзуллина, А. Н. Фатенкова, Н. Л. Худяковой, А. Р. Янгузина, М. С. Яницкого.

Эмпирической базой исследования современных форм политической власти и тенденций ее изменений послужили работы М. Н. Афанасьева, З. Баумана, А. С. Блинова, Ж. Бодрийяра, Р. Будона, П. Бьюкенена, Э. Гидденса, С. Г. Карамурзы, Дж. Ная, Ф. Фукуямы, Н. Хомского и др.

Анализ степени разработанности проблемы политической власти обнаружил недостаточную исследованность политической власти как основания целостности общественной жизни, ее современных форм и перспектив развития. Это определило цели и задачи нашего исследования.

Объект исследования: политическая власть как элемент общества как целостности.

Предмет исследования: функции, типы и формы политической власти, обеспечивающие целостность современного общества.

Цель исследования: разработать социально-философскую концепцию политической власти как основания целостности современного общества.

Для реализации цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выявить особенности определения конечных целей политической власти, описанные и систематизированные в философских работах, основанных на холизме и методологическом коллективизме.

2. Через анализ места и роли политической власти в системе общественных отношений выяснить объективные основания определения целевой ориентации политической власти на обеспечение той или иной формы целостности общества.

3. Установить особенности проявления власти как воли человека, определяемые закономерностями организации целенаправленной деятельности как специфически человеческой формы активного отношения к действительности.

4. Определить основные типы и формы власти в отношениях между людьми, детерминируемые как свободой воли человека, так и закономерностями организации целенаправленной деятельности.

5. Определить специфику основных типов и форм политической власти. Рассмотреть возможности функционирования и развития политической власти как особенного вида профессиональной деятельности.

6. Дать характеристику политической власти, складывающейся в рамках тенденций развития мира как однополярного и как мира суверенных государств.

7. Установить и исследовать качества субъекта политической власти демократического типа как профессионального политика и как гражданина.

Методология и методы исследования. В качестве методологической основы исследования используются: системный подход, позволяющий изучать предмет исследования как целостность; деятельностный подход, позволяющий исследовать политическую власть как особенный вид деятельности; синтез подходов методологического индивидуализма и методологического коллективизма, позволяющий рассмотреть политическую власть с точки зрения двух сторон бытия человека: индивидуальной и общественной;

субстанциональный подход, позволяющий исследовать общество как систему общественных отношений, обеспечивающую саморазвитие, самосохранение и самодостаточность общественной жизни; структурно-функциональный подход (сферный подход), позволяющий определить место и роль политической власти в системе общественного производства; структурно-генетический подход, позволяющий исследовать развитие форм политической власти.

Методы исследования: анализ, синтез, формализация, абстрагирование, моделирование.

Научная новизна исследования состоит в разработке социально-философской концепции политической власти как основания целостности современного общества.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Полученные результаты исследования имеют важное концептуальное и методологическое значение, позволяют сформировать адекватную картину политической власти в современном обществе, способствуя пониманию сложившейся общественно-политической ситуации в мире.

Практическая значимость работы состоит в том, что разработанная концепция политической власти позволяет осуществлять отбор претендентов на политическую власть и последующий анализ эффективности их деятельности. Разработаны рекомендации по повышению качества политической власти и развитию демократических форм перераспределения субъектности во властных отношениях.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в высшей школе при составлении учебных пособий, разработке общих лекционных и специальных курсов по социальной философии и философии политики, в практике работы государственных органов и учреждений любого уровня власти.

Апробация диссертационного исследования. Материалы диссертации апробированы: 1) в выступлениях на международных научно-практических

конференциях по социально-философской проблематике в Челябинском государственном университете и Магнитогорском государственном техническом университете им. Г. И. Носова в 2014—2022 годах; 2) в виде научных статей в «Вестнике Челябинского государственного университета», «Вестнике Пермского университета», «Вестнике Удмуртского университета» (8 публикаций); 3) в сборниках материалов по итогам конференций (общим количеством 15 публикаций).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, включающих девять параграфов, заключения, списка литературы, содержащего 268 наименований. Общий объем диссертации составляет 139 страниц.

1 ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Данная глава посвящена выявлению особенностей определения конечных целей политической власти в философских работах, основанных на методологическом коллективизме. Выявлены объективные основания определения целевой ориентации политической власти на обеспечение формы целостности общественной жизни посредством анализа места и роли политической власти в системе общественных отношений. Установлены особенности проявления власти как воли человека, определяемые закономерностями организации целенаправленной деятельности как специфически человеческой формы активного отношения к действительности. Определены основные формы проявления власти в отношениях между людьми, определяемые как свободой волей человека, так и закономерностями организации целенаправленной деятельности, и определена специфика основных типов и форм политической власти. Рассмотрена возможность функционирования и развития политической власти как особенного вида профессиональной деятельности.

1.1 Общественные функции, цели и средства политической власти в социально-философских исследованиях

К философским работам, основанным на методологическом коллективизме, относятся труды Х. Арендт [6—9], Г. Лассуэлла [108], Э. Фромма [208]. В их исследованиях политическая власть определяется как порождение социальной необходимости в целях поддержания общественного единства. Согласно Х. Арендт, политическая власть соответствует человеческой способности действовать согласованно. Она принадлежит не индивиду, а группе и существует лишь до тех пор, пока эта группа держится вместе [9]. С точки зрения Г. Лассуэлла, процесс власти является не особенной частью социального

процесса, а политическим аспектом взаимодействия целого, политическим аспектом социального процесса во всей его полноте [108].

Среди отечественных исследователей рассматривают политическую власть с позиций методологического коллективизма З. А. Бадретдинов [16], Е. Г. Прилукова [166], М. В. Фадейков [198]. В их исследованиях выявлено, что политическая власть проявляется не как господство и подчинение, а в первую очередь как отношение социального сотрудничества и универсальный механизм интеграции общества.

Во многих философских работах, посвященных политической власти, основное внимание уделяется изучению способов реализации ею общественной функции, выраженной в конечной цели политической власти.

Политическая власть в ее разных формах (догосударственных, государственной и надгосударственной) понимается как социальный институт, обеспечивающий реализацию общезначимых целей через управление деятельностью индивидов, организаций, других социальных институтов. До возникновения исторического материализма в качестве таких целей выступали цели, связанные с поддержанием существующих оптимальных способов функционирования общества, то есть той целостности общественной жизни, которая складывалась сама по себе в результате стихийного сложения результатов деятельности разных людей. О переустройстве общества не могло быть и речи, поскольку общее благо понималось как поддержание и сохранение установленного порядка. Доктрина исправления имен Конфуция [99], согласно которой каждый человек должен соответствовать своему имени: земледелец должен быть земледельцем, отец — отцом, чиновник — чиновником, государь — государем, — подразумевала жесткое разделение труда и общественных обязанностей в обществе, когда каждый занимается своим делом, относится к своей работе как к долгу и занимает положенное место. Поскольку Конфуций был противником любых социальных преобразований и реформ, его внимание

было сосредоточено на описании вопросов функционирования общества, но не способов его преобразования.

В учении Платона [155] принципу исправления имен Конфуция аналогичен принцип софросюне — идея о том, что каждый должен быть на своем месте, заниматься своим делом и быть уверенным в том, что он на своем месте и занимается тем, чем и должен. Это предполагает, что каждый человек и общественный слой функционируют в пределах строгой собственной ступени иерархии и довольствуются своим местом, что исключает возможность коренного переустройства общества.

Философы эпохи Средневековья видели в установленном общественном порядке определенный Божественный замысел, который не может быть нарушен человеком, гражданский долг которого — повиноваться государю, как выразителю Божьего замысла и наместника Бога на земле и установленным им законам.

Французская революция, Декларация прав человека и гражданина, постулаты свободы и равенства, уничтожение феодального порядка привели к появлению и постепенному укреплению идей ограничения королевской власти, акцентировании ее целей на охране частной собственности и возможной смене правителя насильственными средствами в случае чрезмерного угнетения им народа. Они нашли выражение в работах французских просветителей.

Французскими философами эпохи Просвещения были обоснованы принципы существования общества, согласно которым оно должно быть переустроено. Эти принципы включали в себя, например, идею разделения властей, бикамерализма органа законодательной власти и т. д.

Утопические теоретические проекты переустройства общества были разработаны социалистами Т. Мором и Т. Кампанеллой [196]. «Утопия» Т. Мора содержала критику современного ему общественного строя и описание своеобразного социального идеала. Он описал общество, в котором отсутствует частная собственность, введено равенство потребления, обобществление

производства и быта при нивелировке индивидуального в пользу общественного, что находит свое выражение даже в одинаковом внешнем облике островитян — утопийцев. При этом Т. Мор не дает указаний относительно способов построения такого идеального миропорядка, читатель его работы наблюдает за уже устроенным кем-то когда-то и каким-то образом общества.

Вслед за Т. Мором Т. Кампанелла описывает свой идеальный проект общества — «Город Солнца», воплощение которого в реальность он планировал осуществить на базе существующего общества при помощи поочередно испанского и французского королей и папы Римского, но слабая связь с реальностью не привела к их практическому осуществлению.

Утопические проекты устройства общества были также представлены А. Сен-Симоном, Ш. Фурье и Р. Оуэном. Ш. Фурье спроектировал общество на основе фаланг. С его точки зрения, организация фаланг (общин, коммун) приведет к переустройству общества путем показательного примера. Он считал, что в Европе есть состоятельные люди (Наполеон I, Ротшильд), готовые финансировать учреждение фаланг, и назначил постоянные приемные часы, которые провел в безуспешном ожидании меценатов общественного переустройства.

Р. Оуэн единственный из утопистов попытался воплотить идеи по созданию идеального общества в жизнь. Он создал поселение на коммунистических началах, недолго просуществовавшее в Америке и разорившееся в 1825 году. До этого, в 1800 году, им был проведен социальный эксперимент в Шотландии, где Р. Оуэн основал общину на принципах самоуправления, кооперации, социального обеспечения и страхования. Но после его ухода укоренившийся с большим трудом общественный уклад общины разрушился.

К. Марксом была впервые сформулирована цель и программа качественного преобразования общественного устройства и последующего его функционирования и развития посредством специально организованной деятельности большого числа людей. В работе «Тезисы о Фейербахе» он пишет:

«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [126]. К. Маркс и Ф. Энгельс разработали поэтапный проект кардинального переустройства общества реально существующих государств.

В этих условиях, когда целью общего блага стало развитие общества и государства, проекты его переустройства получили развитие в трудах философов, а перспективы внедрения в общественную практику больше не казались нереальными, политическая власть начинает ориентироваться на стратегические цели и проекты развития общества, разработанные теоретиками на основе изучения исторических законов развития общества. К концу XX века стала очевидна интенсификация темпа общественных изменений, которые происходили в большей степени без руководящей роли политической власти, сопровождалась постоянным разрушением существующей целостности общества и далеко не всегда могли быть оценены позитивно с позиции как индивидов, так и общества в целом.

Также в XX веке большинство людей стали руководствоваться идеей свободы и уникальности человека, увеличилось количество образованного населения, а следовательно, стала понятна неоптимальность предлагаемых политиками целей и проектов стратегического развития общества, однозначно определяемых отдельными теоретиками. Это привело не только к отказу от этих целей, но иногда и от самой государственной политической власти.

Еще в XIX веке анархисты (М. Бакунин, П. Кропоткин, П. Прудон, М. Штирнер) отрицали возможность преобразования государства и его использования для достижения желаемых общественных целей. Они проектировали новое общество как безгосударственное, спонтанно формирующееся, доминирующим элементом в котором были бы малые сообщества (коммуны, общины, коллективы, секции, производительные ассоциации, федерации), лишённые жесткой внутренней иерархии, аппарата центральной власти и принуждения. Такие сообщества обменивались бы между собой продуктами, услугами и всем необходимым для существования исходя

из принципов равенства, взаимопомощи и сотрудничества и, по выражению М. Бакунина, «соединяли безразлично, потому что свободно, людей всех языков и народностей» [20, с. 53].

Сегодня на такое безразличное и безграничное соединение людей всех языков и народностей претендует идеология глобализма, порожденная процессами управляемой искусственной глобализации. Проект создания Мирового правительства является современным аналогом утопии. Его идеологи внушают людям, что ни одна страна неспособна проводить независимую экономическую политику, объявлять и вести войны, осуществлять внешнюю и даже внутреннюю политику в полной мере самостоятельно и справиться с угрозами глобальных проблем. Они рисуют радужную перспективу будущего человека как космополита, гражданина мира, свободного от рамок национального государства и обязанностей перед ним. Те же, кто сопротивляется установлению проницаемости государственных границ, уничтожению суверенитета национальных государств и унификации национальных и культурных различий объявляются махровыми консерваторами, пытающимися во что бы то ни стало сохранить статус-кво в собственных интересах.

Но идущие процессы сближения стран и народов вряд ли можно назвать становлением глобального единства человечества во всем его многообразии. В качестве системообразующего основания целостности общественной жизни стали рассматриваться потребности современного человека, в большой степени определяемые тем, как он стал понимать самого себя. Для людей стало важным чувствовать себя свободными, иметь возможность для самоактуализации и самовыражения и т. п. Во второй половине XX века в отдельных странах политическая власть стала обеспечивать такую целостность общественной жизни, которая позволяет индивидам получить желаемое, но в последнее десятилетие даже в этих странах индивидов все больше и больше стали подчинять универсальным правилам общежития, все больше и больше ограничивающим не только свободу человека и возможность его самоактуализации, но и даже

право на труд в том месте, где живет его семья. Современные универсальные нормы общежития, транслируемые в общество посредством системы образования, ограничивают родителей в правах по воспитанию собственных детей. Например, в Европе по законам западной ювенальной системы ребенка можно забрать у матери и передать в детдом или приемную семью по незначимому, формальному поводу, без расследования и суда, основываясь на мнении соцработника, учителя или воспитателя. Пропагандируя ценность свободы личности и право на самовыражение, родителям запрещают воспитывать детей по своему усмотрению, если оно противоречит, например, ценностям пропаганды нормы однополых отношений или стирания гендерных стереотипов.

Современные философы стали называть определение стратегических целей политической власти одной из основных проблем современности. Так, З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество» пишет: «Едва ли хоть один опытный политический деятель наберется смелости предложить радужную перспективу “справедливого общества” избирателям, которые уже не раз “обжигались” на таких обещаниях и поэтому, как правило, предпочитают “несколько измененное” сегодня “лучшему” будущему. Видные политические деятели в те редкие моменты, когда они поднимаются до высказывания “идей”, тут же ощущают необходимость извиниться перед публикой за то, что толкуют о чем-то, чего нельзя добиться за несколько дней. Долгосрочные планы относительно “справедливого общества” не пользуются особым спросом. Интерес к правительству и его деятельности возникает, как правило (если и возникает вообще), лишь на то непродолжительное время» [27, с. 16-17].

С ним согласны такие авторы, как У. Бек [29], П. Бурдьё [46], Э. Гидденс [56; 57], Ю. Харари [224]. Они связывают дефицит стратегических целей с утратой контроля над реальностью и параличом способности власти к принятию решений в «быстроменяющемся обществе» [56], «текущей современности» [28], «обществе риска» [29].

И все же что, помимо постоянных перемен, мешает политической власти организовывать целостность общественной жизни, устанавливаемую по отношению к потребностям современного человека? Ответ на этот вопрос можно получить при исследовании места и роли политической власти в складывающейся системе общественных отношений.

1.2 Место и роль политической власти в структуре общественного производства и воспроизводства

Закономерности общественного развития и возможность политического управления этим процессом можно установить на основе применения системного, субстанционального, деятельностного, структурно-функционального и структурно-генетического подходов к изучению общества.

С позиций структурно-функционального (системного) подхода общественные отношения складываются в определенную целостность, систему, общество, когда они выполняют какую-либо общую функцию (большую функцию) посредством взаимосвязанной, иногда взаимообусловленной реализации функций элементов этой целостности — малых функций. Теоретическим основанием этого подхода стала теория функциональных систем, позволяющая исследовать познаваемый предмет как целостность. По определению А. Н. Аверьянова, «функциональная система — это характеристика упорядоченности объекта по отношению к одной из его внешних функций» [1, с. 24]. Упорядоченность следует понимать как тождественность каждого элемента своей «малой функции», подчиненной «большой, продуктивной функции системы. Закономерности внутреннего функционирования системы передаются через ее структуру, в которой выделяются компоненты системы и связи между ними [1, с. 25].

Устойчиво существующее *основание целостности общественной жизни*, обеспечивающей ее воспроизводство, можно выделить на основе применения субстанционального подхода. Этот подход позволяет рассматривать общество как социальную форму бытия, которая обладает такими свойствами, как «самопорождение», самопричинность, наличие особых механизмов самосохранения и саморазвития, качественная самодостаточность. В работах К. Х. Момджяна обосновывается, что только субстанциональный подход позволяет «в полной мере отразить качества объектов действительности, которые можно отнести к особому классу самоорганизующихся систем, способных самостоятельно создавать, поддерживать и модифицировать специфицирующее их качество, присущую им системную целостность». Субстанцию социального он определяет как «способ существования социальной действительности, который выделяет ее во внешнем мире и служит основанием ее внутренней системной целостности» [133].

Объективным основанием целостности общественной жизни выступает ее субстанциональная основа. Субстанциональность предполагает, что общество циклически воспроизводит и расширенно воспроизводит само себя, а через это обеспечивает и жизнь каждого индивида. Общественное благо при этом является выражением уровня культурного развития общества как субстанциональной целостности.

С позиции деятельностного подхода, основу социальной формы бытия образует совместная деятельность людей, которая в большей степени складывается не добровольно, а стихийно. Через целенаправленную деятельность, через совместный труд разных индивидов складывается социальная форма бытия как способ жизни, свойственный только человеку, предполагающий создание условий жизни каждого индивида, создание предметов удовлетворения его потребностей и как живого организма, и как культурного существа.

Основной формой совместной деятельности людей является производство, которое представляет собой комплекс деятельностей, связанных через продукт.

По определению К. Маркса, термин «производство» используется как абстракция, «но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений» [125]. С точки зрения Н. Л. Худяковой, эта абстракция позволяет «отразить то общее, что характеризует не только процесс целенаправленной деятельности, но и процесс ее воспроизводства через включение продукта одной деятельности в другую» [239]. Именно производство «как комплекс деятельностей, взаимосвязанных через продукт», который «обеспечивает воспроизводство всех элементов деятельности» [239, с. 61], в том числе субъекта деятельности, позволяет понять взаимовключенность индивида в структуру общественных отношений (в структуру производства) и опыта общественных отношений в бытие отдельного индивида. Продукт, полученный в одной деятельности, становится одним из элементов деятельности в других видах деятельности: либо средством, либо субъектом, либо предметом. Так как производство предполагает воспроизводство всех элементов целенаправленной деятельности, а через это — и всех условий жизни человека, то его можно считать *субстанцией социальной формы бытия*.

Объективно возникшее разделение труда привело к возникновению сначала видов деятельности, выполняемой разными людьми, а затем и к формированию сфер производства, складывающихся из социальных институтов. Социальные институты, как исторически сложившаяся форма организации совместной жизнедеятельности людей, возникают чаще всего не специально, но из необходимости удовлетворения как базовых потребностей индивидов, так и субстанциональной необходимости в полноте сфер общественного производства.

В системе общественных отношений чаще всего выделяют четыре базовые сферы производства: социальную — как сферу производства людей, материальную — как сферу производства материальных условий жизни и предметов потребления, духовную — как сферу производства продуктов

духовной деятельности, организационно-управленческую — как сферу производства организационной структуры как системы связей между подсистемами общества, основанной на закреплении сфер ответственности и полномочий субъектов деятельности и контроле над ними [239]. Последняя сфера представлена в первую очередь государственной политической и административной властью.

А. М. Орехов выделяет следующие сферы общественной жизни: экономическую, социальную, политическую, сферу права и правоотношений, духовную сферу. Политическая сфера понимается им как сфера социальных институтов, для которых главное — борьба за политическую и государственную власть, но в сферу деятельности которой также входят вопросы управления обществом [148, с. 78—94].

Ряд исследователей (В. С. Барулин, И. А. Гобозов [60]) отождествляют административную и политическую сферы жизни общества, другие исследователи (А. А. Борисенков [43]), напротив, разграничивают их. В. С. Барулин определяет политическую сферу жизни общества как совокупность институтов общественного управления и самоуправления, подчиняющуюся собственным специфическим законам, определенным образом связанную как с обществом в целом, так и с его подсистемами. И. А. Гобозов понимает политику как специфическую сферу деятельности и отношений людей по поводу устройства общественной жизни и акцентирует внимание на том, что существование общества невозможно без обуславливающих его консолидацию управления и власти. С точки зрения А. А. Борисенкова, отношения получения политической власти не входят в политическую сферу жизни общества, так как политические отношения складываются только в процессе использования политической власти. Процесс же завоевания и приобретения политической власти — это иной вид социальной активности, отличный от политической деятельности [43].

Политическую сферу как самостоятельную сферу общественного производства, способную существовать относительно автономно от организационно-управленческой сферы, выделяет Н. Л. Худякова [239]. В ее исследованиях политическая сфера общественного производства трактуется как «подсистема общественных отношений, обеспечивающая производство политической власти, которое заключается в специально организованных действиях, направленных на ее достижение и удержание»[239]. Свою позицию Н. Л. Худякова обосновывает продолжающимся процессом разделения труда, в результате которого сама власть становится продуктом специально организованной деятельности различных групп людей, а не передается по наследству или захватывается военным путем. Не менее важным является и то, что полученная кем-то политическая власть «далеко не всегда начинает использоваться для выполнения в обществе организационно-управленческой функции, направленной на поддержание его функционирования как качественно самодостаточной, способной самосохранению и саморазвитию, автономной социальной подсистемы» [239, с. 66].

В политической науке исследователи видят сущность политики в том, что она пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, проникает в них и на этом основании имеет верховенство над ними. При этом под проникновением во все сферы общественной жизни понимается их политизация как придание даже небольшим по значимости вопросам общественной жизни политического звучания и усиление в них роли государства. Крайним проявлением политизации при этом считается тоталитарное государство с практикой тотального контроля за всеми сторонами жизни человека, включая его личную жизнь.

С позиции социальной философии, верховенство политической власти означает, что именно она должна обеспечить целостность общественной жизни, в которой представлены и взаимосвязаны все базовые сферы общественного

производства. При этом целостность общественной жизни не предполагает слияния воедино всех ее сфер.

История показывает, что целостность общественной жизни, как правило, складывается по отношению к той или иной сфере общественного производства и даже к функциям того или иного социального института, входящего в состав названных сфер, определяется той или иной доминантой общественных изменений. Целостность общественной жизни задавалась, например, идеями христианства в средневековой Европе, философскими идеями Просвещения во времена Французской революции, развитием научно-технического прогресса в XIX—XX веках.

В конце XX века теоретики и практики либерализма предложили механизм создания целостности общественной жизни через свободный рынок, который должен был сначала ограничить государственную власть, взяв часть функций по регулированию общественной жизни на себя, а затем и вовсе отменить необходимость в государственной политической власти. Современный антиэтатизм, порожденный неолиберализмом, представлен такими авторами, как Ф. Хайек («Дорога к рабству») [219], М. Ротбард («Власть и рынок»), С. Э. Конкин («Новый либертарный манифест»), Э. Ясаи («Государство»), К. Карсон («Железный кулак за невидимой рукой»).

К концу XX века стала формироваться сфера финансового производства, старающаяся выстраивать целостность общественной жизни под собственные нужды и интересы, что позволило узкому кругу людей получить огромные прибыли ценой дестабилизации как экономик отдельных национальных государств и их политических систем, так и в итоге дестабилизации глобальной экономики в целом. Мировой финансово-экономический кризис стал уже перманентным явлением в обществе, влияющим на все сферы общественной жизни. Реальная политика неолиберализма работала по принципу «естественного отбора», при котором выживает сильнейший, и этими сильнейшими стали крупнейшие корпорации. При этом никакого истинного рынка так и не было

создано, а государство в процессе передачи общественных услуг на аутсорсинг частным фирмам стало кассиром, обслуживающим персоналом. Это привело к появлению различных моделей «политического рынка», трактующих политическую систему как политический рынок, в котором политическая власть — это товар, политики — политические предприниматели, которые формулируют свои предложения публично, открыто выставляют свои «продукты», конкурирующие друг с другом, и предъявляют себя на окончательное решение политических потребителей. Функция последних состоит в том, чтобы выносить публичные суждения об успешности или безуспешности политических продуктов и их производителей. Данное понимание политической жизни нашло отражение, например, в теории общественного выбора в политологии. Согласно этой теории, мы, будучи избирателями, рациональны и используем правительственные учреждения и политиков в своих собственных интересах. Политики при этом тоже рациональны и просчитывают свои действия с точки зрения потенциальной прибыли или убытков (возможные репутационные риски, имиджевые потери и т. д.). Опирается данная теория на индивидуализм, концепцию «экономического» (рационального) человека.

Но одновременно с этим к XX веку возросло понимание человеком самого себя, общества и своей общественной природы. На первый план вышли потребности человека в духовном развитии, в коэволюционной связи природы и общества. Это дало возможность некоторым авторам (Д. Белл, «Грядущее постиндустриальное общество»; Р. Брегман, «Утопия для реалистов») выдвинуть противоположную антиэтатистам и неолибералам точку зрения, согласно которой контроль над обществом перестает носить в основном экономический характер и становится преимущественно политическим.

При таких условиях именно цели производства и расширенного производства человека должны определять целостность общественной жизни. Казалось бы, любая целостность, в которой представлены все сферы общественного производства, может рассматриваться как субстанциональная

целостность общественной жизни. Однако это не так, и если общественные отношения как социальная форма бытия изначально возникают как комплекс условий, обеспечивающий жизнь человека как такового, то субстанциональная целостность общества складывается только по отношению к целям производства человека, причем такого, каким он себя стал осознавать.

Общество как субстанциональная целостность (социальная форма бытия) представляет собой полноту условий существования индивидов, определяемую их базовыми потребностями, а также воспроизводства и расширенного воспроизводства человеческого рода, создаваемую наличием базовых сфер общественного производства и оптимальных форм их взаимодействия, необходимых для саморазвития, самосохранения и самодостаточности общества в целом.

Целостность, определяемая целями других сфер общественного производства, не учитывающими потребности человека, является неустойчивой и в конце концов разрушается. Для того чтобы не учитывать реальные потребности человека, их нужно заменить искусственными. Такая замена осуществляется при помощи СМИ, рекламы, когда человека убеждают в необходимости купить то, что ему совершенно не нужно, на деньги, которых у него нет. Характерными чертами такого человека являются максимизация потребления и присвоения, сознание, дающее место коммерческой политической системе и требующее ее. Если же позднее, испытывая отвращение к ней и ее результатам, люди станут думать иначе, станет возможной и необходимой другая политическая система. Но, по мысли К. Маркса, никакая социальная система не исчезнет до тех пор, пока не будет исчерпан весь потенциал ее развития. Потенциал капитализма пока не исчерпан, его особенность заключается в высоком уровне пластичности и способности вбирать и оборачивать в свою пользу даже протестные формы человеческой активности. Тем не менее присущая человеку открытость миру оставляет возможности и за другими формами организации жизнедеятельности.

Итак, политическая власть может обеспечить две формы целостности общественной жизни: целостность, обеспечивающую частные цели одной из сфер общественной жизни или одного из социальных институтов, и субстанциональную целостность общества, обеспечивающую воспроизводство человека, соответствующего уровню культурного развития общества.

Названные сферы общественного производства обеспечивают воспроизводство всех элементов целенаправленной деятельности и взаимосвязей между разными видами деятельности в системе производства. Посредством этого создается полнота условий существования и воспроизводства индивидов как живых организмов и как культурных существ, а также воспроизводство общества как самодостаточной, способной к самосохранению и саморазвитию системы общественных отношений.

Есть различные формы совместной деятельности людей, но существование общества как системы общественного производства предполагает наличие совместной деятельности людей, которая складывается из совокупности видов общественной деятельности, обеспечивающей устойчивое функционирование и развитие общества как субстанциональной целостности. Эта деятельность организуется частично стихийно, частично целенаправленно.

Целенаправленно организуемая совместная деятельность людей предполагает организацию и управление, которые требуют наличия власти у субъекта этих видов деятельности. Две основные формы такой власти: власть административная и власть политическая. Все исследователи подчеркивают верховенство политической власти. С нашей точки зрения, это верховенство обеспечивается тем, что власть становится политической тогда, когда пусть недостаточно осознанно и недостаточно полно организует совместную деятельность людей, направленную на устойчивое функционирование и развитие общества как субстанциональной целостности. Суверенитет политической власти определяется наличием в сфере ее влияния достаточно развитых всех базовых сфер общественного производства. В современном обществе такой суверенитет

складывается на уровне государств, поэтому для современного мира государственная власть является основной формой политической власти.

В современном обществе производство политической власти выделилось в отдельную сферу производства, которая «представляет собой подсистему общественных отношений, обеспечивающих производство политической власти, которое заключается в специально организованных действиях, направленных на ее достижение и удержание». Как продукт сферы политического производства, политическая власть выступает основным средством осуществления организационно-управленческой функции в организационно-управленческой сфере общественного производства. Политическая власть как социальный институт, обеспечивая существование общества как целостности, определяет границы действия сферы организационно-управленческого производства, а значит, и границы общества как организационной формы совместной деятельности людей.

Политическая власть обеспечивает организацию и управление совместной деятельностью, направленной на поддержания устойчивого существования и развитие общества как субстанциональной целостности, в которой оптимальным по отношению к культурно-историческим особенностям общества образом сочетаются интересы индивидов, общества и самой политической власти. Конкретным формам такого рода совместной деятельности людей соответствуют определенные культурно-исторические формы политической организации общества (догосударственные формы, государство, государство в сочетании с надгосударственными структурами).

В медленно развивающихся обществах оптимальный способ существования (функционирования) общества складывается через социальные институты и закрепляется в традициях и законах. В этих условиях политическая власть обеспечивает устойчивое функционирование общества как субстанциональной целостности, не всегда осознавая эту коллективную цель. Но именно это выступает объективным основанием верховенства политической власти над

другой формой власти над людьми — административной. В быстроразвивающихся обществах возникает проблема определения оптимального способа существования общества как системы общественных отношений, обеспечивающих условия жизни индивидов, а значит, и определения цели совместной деятельности людей. Эта проблема далеко не всегда осознается субъектами политической власти, а значит, и не решается.

1.3 Власть как свободное развертывание, реализация «Я»

Во многих исследованиях, рассматривающих власть с точки зрения индивидуального бытия человека, власть трактуется как проявление воли человека. Так понимали власть Вольтер, Ф. Ницше, М. Вебер, П. Блау, Б. де Жувенель, Ж.-П. Сартр и др.

Ф. Ницше видел в воле к власти действенное начало всей общественной жизни. С его точки зрения, жизнь представляет собой специфическую волю к накоплению силы и как таковая «стремится к максимуму чувства власти». Воля к власти, пишет он, «не бытие, не становление, а пафос — элементарный факт, из которого уже и порождается и становление, и действие». И дальше: «Вся энергия, вся действительная сила — в воле к власти, кроме нее нет никакой другой ни физической, ни динамической, ни психологической силы» [140]. Кроме того, воля к власти, по Ф. Ницше, — это прежде всего критерий значимости любого из явлений общественной жизни: хорошо только то, что повышает волю к власти в человеке, а плохо — то, что ведет к ее ослаблению.

Идеи Ф. Ницше оказали существенное влияние на М. Вебера. Согласно определению М. Вебера, «власть означает любую возможность проводить внутри данных социальных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана» [51].

П. Блау конкретизирует основания этой возможности: «Власть есть способность индивидов или групп навязать свою волю другим вопреки их сопротивлению с помощью угрозы наказания или отказа в регулярных вознаграждениях, поскольку и первое, и второе в конечном счете выступают в качестве негативных санкций» [Цит. по: 110, с. 293].

Психоаналитические концепции власти также трактуют власть с точки зрения индивидуального бытия человека, конкретизируя при этом стремление к ней не как показатель силы индивида, а, наоборот, как проявление его слабости. К ним относятся работы А. Адлера, Г. Лассуэлла, З. Фрейда, Э. Фромма, К. Хорни, К. Г. Юнга.

Согласно А. Адлеру и Г. Лассуэлли, воля к власти является следствием попытки преодоления комплекса неполноценности, сформировавшегося в детском возрасте, или тревожности, характерной для невротиков, как в концепции К. Хорни [232].

Э. Фромм в работе «Бегство от свободы» [207] ввел понятие «авторитарный характер», а Т. Адорно в работе «Исследования авторитарной личности» [3] — «авторитарная личность». В обоих исследованиях это описывается как человек, который одновременно и увлекается властью, и хочет подчиняться. Он разделяет всех людей на сильных и слабых, при этом сила автоматически вызывает у него любовь и готовность подчиняться, привлекает сама по себе, а слабость вызывает пренебрежение и презрение, желание напасть, унижить, подавить. Нормальный человек не будет нападать на более слабого, тогда как авторитарная личность ощущает тем большую злобу и стремление унижить, чем более слабой, более беспомощной кажется ему жертва.

Большое значение для понимания политической власти с точки зрения воли имеет инкомпатибилизм. Большинство инкомпатибилистов (Д. Перебум, В. Инваген) отрицают идею о том, что свобода действия заключается исключительно в сознательности поведения. Они считают, что свобода воли подразумевает, что человек является первичной причиной своих действий.

Он должен являться *causa sui* в традиционном понимании. Чтобы нести ответственность за свой выбор, необходимо являться причиной этого выбора, под этим понимается, что не существует предшествующей причины для выбора. Таким образом, если свобода воли существует, то человек является первопричиной своих действий. Если же детерминизм верен, то любой выбор человека вызван событиями, которые находятся вне его контроля.

Во всех этих исследованиях воля характеризуется активностью, интенциональностью, энергичностью и как таковая является движущей силой власти, ее энергийным основанием. В то же время воля человека проявляется в его отношениях с действительностью через осуществление им целенаправленной деятельности. Рассмотрение власти как проявления воли акцентирует внимание на двух моментах. С одной стороны, воля понимается как внутренняя, заранее заложенная самополагающая сила как способность к действию. С другой стороны, это способность к определенным действиям. То есть воля выступает движущей силой интенциональности сознания человека. По определению А. Б. Невелева, интенция есть предметная и энергийная характеристика мыслительной формы, человеческой души, внутреннего (идеализированного) отношения, идеализированная энергия мыслительной формы [137].

Целенаправленная деятельность организуется ее субъектом как культурно-опосредованное отношение. Это открытая, то есть способная к изменениям форма отношений, с одной стороны, позволяющая проявиться свободе воли человека, а с другой — обеспечивающая получение того, к чему эта воля стремится, через предметное развертывание воли.

Предметную определенность воля человека получает в деятельности. Это происходит как процесс распредмечивания и опредмечивания. Опредмечивание — это процесс, в котором человеческие способности переходят в предмет и воплощаются в нем, благодаря чему предмет становится социально-культурным, или «человеческим предметом» [125, с. 121]. Предметность —

сущностное свойство деятельности человека — заключается в том, что она подчиняется (или уподобляется) свойствам, явлениям и отношениям независимого от нее объективного мира. Принцип предметности составляет, по выражению В. В. Давыдова, ядро теории деятельности. Он фиксирует понимание предмета не как вещи или самого по себе существующего объекта природы, а как, по словам А. Н. Леонтьева, того, «на что направлен акт... то есть как нечто, к чему относится живое существо, как предмет его деятельности — безразлично, деятельности внешней или внутренней» [Цит. по: 111, с. 39].

Противоположный опредмечиванию процесс — распредмечивание. Это обратный переход предметности в живой процесс деятельности, в действующую способность, — процесс, при котором свойства и сущность предмета становятся достоянием человека. Распредмечивание происходит через включение человека в какую-либо деятельность. В процессе этого включения деятельные способности человека обогащаются за счет освоения им общественного опыта: знаний о мире и культурных ценностях; средств и способов организации деятельности.

Предметная определенность воли человека возникает через опредмечивание, которое осуществляется в определенном порядке. Общие этапы этого процесса определяются следующими моментами деятельности:

- объект отношения — мир, существующий сам по себе, независимо от человека, по своим закономерностям;
- субъект отношений — активная, творческая, свободная сторона отношения, сам человек (индивид, группа, народ, человечество);
- средство отношения — культурная форма, то, что человек помещает между собой и миром в качестве проводника воздействия на мир и проводника обратного действия мира на человека. Таким образом, через средство (культуру) человек осуществляет взаимодействие с миром;
- предмет отношения — объект, взятый в отношении к субъекту через средство (культуру); таким образом, в отношении человека с миром культура предстает «призмой», через которую мир для человека становится предметным;

- продукт деятельности — преобразованный предмет.

Структура деятельности, представленная: целью, средством, предметом, продуктом, результатом и дельта-результатом, — определяет предметные формы развертывания воли. «Я» во всех названных моментах деятельности обретает определенную, соответствующую моментам деятельности предметность, идентифицируясь с этими моментами. В продукте деятельности «Я» человека вновь собирается воедино — воля человеческого «Я», его власть получает предметное воплощение — опредмечивается в продукте. Продукт встраивается в новый акт производства в качестве одного или нескольких упомянутых моментов деятельности — так происходит распредмечивание воли человеческого «Я», обеспечивается накопление прошлой деятельности и распространение через это власти индивида даже на те сферы деятельности, в которых он непосредственного участия не принимает.

Бытие воли субъекта прежде всего проявляется как стремление реализовать свое «Я» в направлении представляемого продукта, то есть через осуществление цели деятельности. «В конце процесса труда, — говорит Маркс, — получается результат, который перед началом этого процесса имелся идеально, то есть в представлении работника. Он (работник) не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет в то же время свою сознательную цель...» [125].

Цель деятельности — это образ предполагаемого продукта, это опредмеченное «Я», существование «Я» на идеальном уровне бытия. Если нет цели, то нет субъекта развертывания и нет субъектности. «Деятельность есть не там, где есть вообще любой механический или даже химический процесс, говорит Гегель, а на основе преобразования (снятия) идеи химического процесса в идею телеологического процесса. Вот телеологический процесс и выступает как деятельность, то есть деятельность есть там, где данный процесс задан определенной целью» [55]. Цель всегда предполагает внешний предмет, продукт, в котором она должна осуществиться в процессе деятельности. Она

должна осуществляться и выполняться, пишет Гегель, в неадекватном, в не соответствующем себе материале [35].

Подбор культурного средства и определение способа его применения является важнейшим элементом реализации воли. «Культурное средство — это то, что выбирает, создает сам человек без опоры на инстинкт для воздействия на объект деятельности» [234, с. 25]. Культурное средство является интегрирующим основанием деятельности: его интегрирующая функция проявляется в согласованности качеств выбранного субъектом деятельности средства с качествами ожидаемого продукта, качествами предмета и качествами субъекта деятельности. Полная реализация цели деятельности в продукте возможна только тогда, когда применяемое субъектом культурное средство выражает собой согласованность всех элементов отношения. Фактически используемое культурное средство деятельности характеризует ее фактическую цель.

Большинство существующих современных государств позиционируют себя как демократии. При этом средства, которые они используют, не всегда являются демократическими. Например, постоянное внедрение все новых санкций, наносящих ущерб экономикам многих стран, недопуск МОК российских спортсменов на Олимпийские игры 2018 года в Пхёнчхане, высылка российских дипломатов — свидетельства неизбирательности современной политической власти в средствах, а значит, и ее недемократичности. Современный недемократический тип политической власти характеризуется постоянным расширением используемых культурных средств. Как отмечал М. Фуко [209; 210], политическая власть эволюционирует от стремления осуществлять контроль за телом, в сторону осуществления контроля за разумом. В условиях современного технологического обеспечения, развития сети Интернет и коммуникационных технологий такой контроль может стать безграничным.

Культурное средство представлено во внешних отношениях орудиями и (или) языком, во внутренних отношениях — знаниями как мыслительными образами, которые имеют языковую форму существования и воплощения.

Возможности власти по реализации цели определяются возможностями применяемых ею культурных средств.

По отношению к предметам своего воздействия *власть может развертываться, ничем не ограничиваясь*, так как на идеальном уровне бытия, в его сознании, воля человека может быть максимально свободной, но это потеря объективности. На материальном уровне задаются границы свободы воли, которые возникают в результате сопротивления объективно существующего мира активности субъекта. Важно осознавать различия в ограничении власти в отношениях с природой, в отношениях с людьми и в отношениях с самим собой. Ограничения, которые задаются природой, порождают новые предметные формы власти человека над природой. В целом история окружающей среды есть история власти человека над природой. Но при этом человек чаще всего стремится согласовать свои потребности и возможности с возможностями и потребностями природной среды. Идея коэволюции человека и природы особенно актуальна на фоне современных глобальных экологических проблем. Сложнее обстоит дело с осуществлением власти в отношениях между людьми, которых на какое-то время можно подчинить любым целям властвующего субъекта. В этом проявляется пластичность человека, его способность к изменениям. У властвующего субъекта возникает часто ложная уверенность в своей правоте, а отсюда необходимость в применении насилия и его оправдание. В отношениях к самому себе субъект власти может ограничивать себя, но может и разрешить себе все, так как любое сопротивление объективной действительности воспринимается им как ограничение его свободы. Тем не менее власть должна испытывать ограничения — только так в нашу жизнь входит объективность мира. Каким образом могут быть заданы ограничения власти человека, без доведения отношений властвующего субъекта и подвластных до крайней степени противоречия? При ответе на этот вопрос мы исходим из того, что власть человека может быть ограничена в первую очередь сопротивлением объективно существующего мира, которое обнаруживается им как очевидное только

при анализе своей деятельности. Неучтенные в цели и сопротивляющиеся ее реализации объективные обстоятельства приводят к возникновению особого результата деятельности — дельта-результата. «Результат за вычетом продукта составляет ту разницу, которую можно назвать “дельта-результатом” (Δ-результат). Это объективная составляющая, которая указывает на реальное положение дел, вне субъективных намерений целеполагающего человека» [137, с. 99].

Наличие дельта-результата свидетельствует о том, что субъект деятельности ошибся либо на уровне проектирования цели, либо на уровне ее реализации. На уровне проектирования дельта-результат возникает, если субъект:

- неверно определил цель или предмет деятельности;
- неверно подобрал или использовал культурное средство;
- не учел объективно существующих качеств объекта, предмета и средств деятельности;
- неполно представил образ продукта.

На уровне исполнения:

- Дельта-результат возникает по внутренним причинам, когда деятельность субъекта не соответствует проекту деятельности вследствие того, что он не умел или был неспособен пользоваться средствами деятельности;
- К внешним причинам возникновения дельта-результата относится развертывание властной воли других субъектов, действующих независимо друг от друга и преследующих различные цели.

Таким образом, объективный мир посредством дельта-результата ограничивает властные притязания действующих в нем субъектов на власть. При этом нам необходимо также уточнить, что дельта-результат является объективной составляющей бытия, его наличие в нашей жизни неизбежно. И тем не менее при этом общество в целом и люди в частности в своей деятельности должны стремиться к его минимизации. Вместе с тем дельта-результат указывает

на проблемный характер реализации цели и может накапливаться со временем, если не корректируется цель деятельности и ее перечисленные моменты.

Обнаружение и осознание субъектом власти дельта-результата своей деятельности создает возможность ее корректирования по собственной воле. По оценке дельта-результата можно судить об эффективности власти, а значит, о праве субъекта на эту власть. Дельта-результат может намеренно создаваться, накапливаться и использоваться властным субъектом в личных или групповых интересах. Но дельта-результат имеет также позитивный потенциал использования, поскольку он способствует корректировке поставленных целей, уточнению корректности используемых культурных средств деятельности и ее предмета. Все это уменьшает объективную составляющую дельта-результата в последующем и увеличивает долю продуктивности деятельности в будущем. От работы власти с дельта-результатом: с использованием его позитивного и негативного потенциала зависит выполнение ее общей социальной функции— обеспечение целостности общественной жизни. Необходимость в новой власти возникает тогда, когда власть не может или не хочет преодолеть дельта-результат.

Важным условием осуществления власти как воли человека является наличие у него *способности к целенаправленной деятельности — его субъектности*, которая не является врожденной. Поэтому становление субъектности человека требует изучения этого феномена.

Субъектность изучалась такими авторами, как Л. Альтюссер, Дж. Батлер, И. Н. Гомеров [61], С. Жижек [80], Р. Д. Унагов, М. Фуко.

В концепциях Л. Альтюссера, Дж. Батлера и С. Жижека субъект пассивен и порождается политической властью. Согласно концепции интерпелляции Л. Альтюссера, субъект производится дискурсом в ответ на запрос власти — например, в ситуации, когда полицейский окликает прохожего «Эй ты!» и кто-то из них откликается и оборачивается. Так, через субординацию, с его точки зрения, и возникает субъектность [См.: 25]. С точки зрения Дж. Батлера, субъектность производится исключительно властью, навязывается с ее стороны. В работе

«Психика власти» она вводит понятие «пассионарная привязанность», которое определяет как чувство привязанности субъекта к подчинению, аналогичное чувству привязанности ребенка к родителям. Такая привязанность формируется с рождения и остается устойчивой даже тогда, когда субъект осознает, что привязанность была ему навязана властью. Субъекция является принимаемой самим субъектом, и такое принятие составляет инструмент становления субъектом [25]. М. Фуко главной функцией власти называет ее конституирующую функцию, которая проявляется в том, что хотя субъектность и складывается активно, через практики самости, тем не менее они не являются тем, что изобретает сам индивид. Это схемы, которые он находит в своей культуре и которые предлагаются, внушаются и навязываются ему культурой, обществом и социальной группой, а им — политической властью [209; 210].

В концепциях отечественных исследователей Р. Д. Унагова, И. Н. Гомерова [61], О. М. Бабич [15] делается акцент на способности субъекта к активной и осознанной саморегуляции своей деятельности.

В нашем исследовании субъектность понимается как опредмеченная деятельная способность человека к осуществлению целенаправленной деятельности, которая проявляется как способность к ряду взаимосвязанных действий: целеполаганию, подбору соответствующих цели средств и способов воздействия ими на объект деятельности (идеальный уровень бытия), воздействию средством на предмет деятельности и его преобразованию в продукт (материальный или идеальный в теоретической деятельности уровень бытия), а также к обнаружению дельта-результата (идеальный уровень бытия). Субъектность человека — это также способность к предметному развертыванию воли и возможность этого, то есть способность к осуществлению власти посредством целенаправленной деятельности и возможность такого осуществления. Субъектность человека как способность должна развиваться в процессе его образования, как возможность она может свободно делегироваться от одного субъекта другому или насильственно присваиваться самим субъектом.

Итак, существенные качества власти человека и перспективы ее развития определяются тем, что власть — это проявление воли индивида в его отношениях с действительностью, которое осуществляется как свободное развертывание, самореализация «Я» посредством целенаправленной деятельности. Важным условием осуществления власти как воли человека является наличие у него субъектности — способности к целенаправленной деятельности, которая не является врожденной, и возможности такой целенаправленной деятельности.

1.4 Власть в отношениях между людьми

Любые отношения между людьми представляют собой взаимодействие их воли и складываются в процессе и в результате организации ими какой-либо целенаправленной деятельности. Такая деятельность предполагает самостоятельное и предварительное определение субъектом цели и плана ее реализации. Это создает условие для возникновения властных отношений между людьми. Как писал Ф. Энгельс, «планирующая работа голова уже на очень ранней ступени развития общества (например, уже в простой семье) имела возможность заставить не свои, а чужие руки выполнять намеченную ею работу» [125, с. 493].

Особенности организации целенаправленной деятельности предполагают возможность ее осуществления разными людьми. При организации деятельности, подчиненной одной цели, одни могут определять эту общую цель, другие создавать проект ее реализации, третьи реализовывать этот проект, четвертые выявлять дельта-результат и причины его появления. Таким образом, сама форма целенаправленной деятельности создает возможность для распределения субъектности, которая предполагает: 1) передачу субъектом, определяющим цель деятельности, другим субъектам обязанности выполнения тех отдельных действий, которые обеспечивают реализацию этой цели, и ответственности за их выполнение; 2) согласование действий людей, участвующих в деятельности,

обеспечивающей реализацию какой-либо одной цели. Эта возможность и была реализована в разделении труда, которое привело к возникновению разных видов деятельности, видов социальных институтов и сфер производства.

Различные исследователи по-разному оценивали роль разделения труда в обществе. По мнению Г. Зиммеля, разделение труда — это необходимое для общества зло, форма вражды, которая неизбежно ведет к социальным конфликтам. С точки зрения Э. Дюркгейма и А. Смита, напротив, именно разделение труда является основой общественной жизни. Э. Дюркгейм пишет: «Разделение труда предполагает, что работник не только не занят исключительно своим занятием, но что он теряет из виду своих непосредственных сотрудников, действует на них и получает от них действия. Он, значит, не машина, повторяющая движения, направления которых он не замечает; он знает, что они направляются куда-то, к цели, которую он различает более или менее ясно. Он чувствует, что он служит чему-то. Для этого нет необходимости, чтобы он обнимал обширные части социального горизонта; достаточно ему охватывать его настолько, чтобы понять, что его действия имеют цель вне их самих. Тогда, как бы специальна, как бы однообразна ни была его деятельность, — это деятельность разумного существа, так как она имеет смысл и он знает его» [79, с. 47].

Когда действия разных субъектов обеспечивают реализацию одной цели, речь идет о совместной деятельности людей и о коллективной субъектности. Совместная деятельность не предполагает утраты возможности всех ее участников к целеполаганию на уровне совершаемых ими действий или операций. Если такая возможность утрачивается, то речь идет о деятельности одного субъекта, в которой другие люди используются как средства. Формами такой деятельности являются, например, рабство или работа на конвейере.

Открытая, культурно-опосредованная форма отношений, складывающаяся в процессе и результате целенаправленной деятельности, требует не только распределения, но и перераспределения коллективной субъектности.

Распределение происходит во вновь возникших формах совместной деятельности, а перераспределение — в ее уже существующих.

Так как только совместная деятельность людей (как индивидуальных, так и коллективных субъектов) создает полноценные условия жизни каждого индивида и является основанием существования общества, то распределение и перераспределение коллективной субъектности являются обязательным аспектом социальных отношений: происходят в любом отношении между людьми и осуществляются в разной мере каждым из них. Распределение и перераспределение коллективной субъектности происходит через воздействие воли одних субъектов на волю других субъектов как проявление их субъектности, то есть власти.

Совместная деятельность, обеспечивающая реализацию одной общей цели, требует властного субъекта, деятельность которого является необходимой для ее осуществления. Активность властного субъекта определяется двойной целью: как участник совместной деятельности он руководствуется общей целью совместной деятельности, а как субъект, выполняющий определенную организационно-управленческую функцию в системе совместной деятельности, — целью организационно-управленческой деятельности как одной из форм осуществления власти в отношениях между людьми. Общая цель совместной деятельности так или иначе выражает согласованные потребности разных людей. Отсюда власть в отношениях между людьми возникает в результате конкуренции воли и целей включенных в эти отношения субъектов и выражается в преобладании одной воли над другой. Победить может только воля человека, способного распределить и перераспределить коллективную субъектность, обеспечивающую реализацию определенной общей цели, носителем которой является сам властный субъект. Это предполагает включение деятельности одних субъектов, подвластных, в деятельность властвующего субъекта (индивидуального или коллективного). Проблема определения общей цели совместной деятельности решается по-разному. Власть может быть захвачена и тем, кто посредством совместной

деятельности фактически реализует свою индивидуально значимую цель или цель небольшой группы людей, которые даже не участвуют в совместной деятельности.

Предметом деятельности властного субъекта в отношениях между людьми является содержание сознания этих людей, их личностный опыт как основание их субъектности. Средствами воздействия на сознание могут быть и материальные средства («кнут и пряник») и идеальные, представленные различными формами знаний: обыденными, мифологическими, религиозными, научными, философскими.

Идеальные средства могут быть выражены только языком. В современном обществе основным средством осуществления власти стал язык. На него, как средство власти, обратили внимание еще античные мыслители. Софисты были первыми в истории платными преподавателями красноречия. Аристотель в работе «Риторика» создал первую и наиболее общую модель публичной речи [11]. Французские структуралисты Ж. Батай, Ж. Делез, Ж. Лакан, М. Фуко функционально приравнивали власть к языку, а постмодернисты Р. Барт, Ж. Бодрийар, Ж. Деррида, Ж. Ф. Лиотар заявили о кризисе метанарративов, смерти автора и деконструкции, которые ослабляют или даже отменяют данное отождествление. По выражению Х. Ортеги-и-Гассета, общество входит в человека посредством языка [149]. Понимание явлений общественной жизни требует обращения к диалектике индивидуального и социального, частного и общественного, отражающейся в языке.

Власть в социальных отношениях, как распределение и перераспределение коллективной субъектности, осуществляется как «снизу вверх», так и «сверху вниз». Распределение субъектности «снизу вверх» заключается в том, что люди каким-либо способом делегируют свои проблемы тому, кто возьмет на себя их решение через организацию совместной деятельности, в которой эти люди участвуют. Таким образом, они отдают и власть над собой властному субъекту, становясь подвластными. Властные отношения «снизу вверх» предполагают

и информирование властных субъектов и о тех ценностях, посредством которых закреплены значимые для включенных в эти отношения людей качества их жизнедеятельности. Также происходит делегирование тем или иным образом субъекту власти обязанностей и ответственности по организации совместной работы по определению общей цели совместной деятельности и созданию организационно-управленческих условий ей реализации. Предполагается, что определяемая таким образом общая цель совместной деятельности, носителем которой становится властный субъект, обеспечит удовлетворение потребностей (интересов, желаний) подвластных и (или) преодоление дельта-результата деятельности власти. Формы распределения субъектности «снизу вверх» как власти народа (большинства или малых социальных групп): протестные и деловые.

Распределение и перераспределение коллективной субъектности «сверху вниз» — от властного субъекта к подвластным — является осуществлением самой власти, о которой написано выше. Успешность осуществления власти «сверху вниз» требует вовлечения людей в совместную деятельность и их подчинение цели этой деятельности, которое может быть достигнуто как насильственным, так и ненасильственным образом. Ненасильственные формы власти в социальных отношениях возможны, если: 1) основанием совместной деятельности власти и подвластных являются ценности, выражающие общезначимые для всех ее участников качества и самой этой деятельности, и ее продукта; 2) цель совместной деятельности определена на основе согласования потребностей и возможностей всех ее участников. Отсутствие этих условий осуществления власти в социальных отношениях приводит к возникновению насильственных форм власти. В различных видах отношений между людьми: семейных, производственных, политических и прочих — существуют различные культурно-исторические способы перераспределения субъектности.

1.5 Политическая власть как особенная форма власти

Политическая власть понимается нами как особенная форма власти, возникающая в отношениях между людьми, целью которой является распределение и перераспределение коллективной субъектности, содержание которой задается целью совместной деятельности, обеспечивающей устойчивое функционирование и (или) устойчивое развитие общества как субстанционального целого. Способность к осуществлению такой власти и возможность этого есть политическая субъектность. По названным признакам политическую власть можно отнести к деятельности, являющейся элементом вертикального разделения труда, предполагающего субординационные связи. Отсюда осуществление политической власти происходит как принятие каким-либо субъектом на себя ответственности за реализацию политической субъектности как субъектности стратегического уровня принятия решений и делегирование части коллективной субъектности: субъектности тактического уровня принятия решений и (или) субъектности исполнительского уровня.

Рассматривая политическую власть как один из видов деятельности в системе разделения труда, необходимо учитывать, что этот тип власти в системе общественных отношений выполняет особенную функцию: поддержание существования общества как субстанционального целого, как бы это ни понималось субъектами власти. Это обеспечивает верховенство политической власти над всеми другими видами власти и то, что она включает в сферу своего воздействия все общество: кого может, она привлекает к совместной деятельности, обеспечивающей существование общества как целого, а кого нет — нейтрализует разными способами (через физическое уничтожение, лишение гражданских прав, манипулирование сознанием или через свободу слова, позволяющую людям самим определить истинные цели оппонентов политической власти).

Предметом политического воздействия является субъектность подвластных, выраженная содержанием личностного опыта индивидов. Продуктом — система личностных ценностей подвластных, целостная картина мира, сложившаяся в их сознании, освоенные ими виды, средства и способы деятельности, необходимые для участия в совместной деятельности, организуемой и управляемой политической властью. В качестве общих средств осуществления политической власти любого типа выступают: политический язык и политически значимые знания.

Политически значимые знания — это знания, в состав которых входят знания о ценностях, отражающих значимые условия существования человека и знания о существовавших и существующих политических отношениях и типах политической власти.

Исследователи по-разному определяют политический язык. Так, А. П. Чудинов понимает его как «подсистему национального языка», предназначенную для политической коммуникации: пропаганды идей, эмотивного воздействия на граждан и их последующего побуждения к политическим действиям, выработки общественного консенсуса.

Е. И. Шейгал отмечает: «Политический язык не является прерогативой профессиональных политиков, это ресурс, открытый для всех членов языкового сообщества, он связан со специфическим использованием общенародного языка как средства убеждения и контроля» [248].

А. Г. Дугин трактует политический язык как особое направление в политическом, которое отвечает за организацию высказываний, соответствующих той или иной конкретной идеологии. Это искусственный, отчасти технический, язык, создаваемый для определенных конкретных целей и призванный закрепить в обществе некоторые наиболее важные принципы, смысловые, ценностные и этические установки. Политический язык влияет на обычный язык (в широком смысле), создает систему социальных кодов, программирует систему общественного и личного поведения, воспитывает людей

в определенной ценностной системе, распределяет моральные приоритеты и выполняет определенные функции» [76].

Основные функции политического языка в политических отношениях:

1. Коммуникативная функция (политический язык как средство связи).
2. Ценностно-ориентировочная функция (политический язык как средство формирования ценностных ориентаций).
3. Функция идентификации (политический язык как средство осознания принадлежности к определенной группе).
4. Функция дифференциации (политический язык как средство отделения от «других»).
5. Функция социализации (политический язык как средство социально-политического воспитания).
6. Функция политической мобилизации (политический язык как средство вовлечения в активную политическую деятельность) [128].

Политический язык тесно связан с дельта-результатом: он может быть источником дельта-результата, средством преодоления дельта-результата или усиления дельта-результата, продуктом дельта-результата.

Степень результативности и эффективности политической власти определяется: 1) дельта-результатом совместной деятельности, обеспечивающей устойчивое функционирование и (или) устойчивое развитие общества как субстанционального целого, 2) дельта-результатом в деятельности по распределению и перераспределению коллективной субъектности. Эта степень так или иначе определяется обществом, но может определяться отдельными социальными общностями и индивидами по отношению к тому, что они ожидали от власти.

Типы политической власти определяются прежде всего по характеру определяемой субъектом власти цели совместной деятельности людей, организацию и управление которой эта власть обеспечивает. Такая цель может выражать: 1) либо интересы общества как субстанционального целого, 2) либо

интересы отдельных сообществ, 3) либо индивидуальные интересы субъектов власти. Третий тип политической власти является предметом многих психологических исследований, но он, как правило, существует в рамках власти второго типа: без опоры на какую-либо социальную общность правитель не может реализовать свои интересы. Второй тип политической власти — это власть недемократического типа (авторитарная, тоталитарная и т. п.). И только первый тип политической власти может быть признан демократическим, так как интересы общества как субстанционального целого могут выражать только согласованные интересы индивидов с интересами общества и интересами политической власти. Власть демократического типа фактически, хотя и неосознанно, действующая в интересах общества как субстанционального целого, может также стремиться действовать в интересах отдельных групп людей, но такая власть является неустойчивой.

Так как условия существования общества как субстанционального целого, с одной стороны, еще недостаточно изучены, а с другой — постоянно меняются в зависимости от творческой инициативы индивидов и социокультурного развития человечества, демократический тип политической власти находится в становлении. В современном мире складывается преимущественно неустойчивая форма демократической власти. На неустойчивость демократии, на ее потенциальную способность к оборачиванию в охлократию указывал еще Аристотель в своей классификации правильных и неправильных форм правления. Современные исследователи говорят об аутоиммунности демократии, как ее способности перерасти в свою противоположность — тоталитаризм либо в анархию. Тем более важным становится выявить признаки устойчивой демократической политической власти и политического устройства общества.

Названные выше характеристики цели совместной деятельности, организуемой политической властью, отражают определенную ценностную направленность деятельности политика. Содержание цели этой деятельности в демократических и недемократических обществах определяется по-разному.

Цели, как образ продукта, и средства политической власти демократического типа разные для демократии, обеспечивающей поддержания определенного способа функционирования (в Великом Новгороде, в городах-полисах Древней Греции), и для демократии, обеспечивающей устойчивое развитие общества как целостности (в большинстве современных обществ).

Цели совместной деятельности людей, организуемой демократической политической властью в развивающемся обществе, не могут быть определены раз и навсегда и не могут быть определены отдельными людьми. Это значит, что такая власть прежде всего должна организовать совместную деятельность по определению стратегических целей развития общества как субстанционального целого, в которую должны быть включены тем или иным образом практически все члены общества. Для этого требуется дистанцирование политической власти от подвластных как равноудаленность от всех, но и признание их равноценности по отношению к цели совместной деятельности.

Для демократического типа политической власти характерно наличие развитых форм распределения и перераспределения субъектности «снизу вверх» и «сверху вниз». Перераспределение субъектности «снизу вверх» должно обеспечить установление ценностных оснований и определение цели совместной деятельности людей, управление и организацию которой обеспечивает политическая власть. Такое перераспределение субъектности приводит к возникновению определенной политической субъектности как возможности выбрать субъект политической власти с соответствующими способностями. Оно происходит: 1) через обращение подвластных к субъектам политической власти по поводу решения проблем, возникающих в определенных социальных институтах, организациях, у индивидов, 2) через выбор ценностей и целей развития общества и выборы тех субъектов политической власти, которые берут на себя их реализацию.

При недемократическом типе политической власти содержание цели совместной деятельности людей выражает характеристику продукта,

необходимого какой-то малой социальной группе. Чаще всего эта цель не выражает согласованные интересы членов общества и поэтому скрывается от тех, кто ее фактически реализует.

Основной формой перераспределения субъектности для этого типа политической власти является «сверху вниз». Перераспределение субъектности «снизу вверх» этой властью либо не признается легитимным и запрещается, либо организуется формально, когда потребности, интересы и ценности большинства не учитываются при принятии политических решений.

Перераспределение субъектности «сверху вниз» происходит через прямые приказы властного субъекта, законодательные акты, должностные инструкции, рекомендации и т. п. В устойчивом демократическом обществе должны свестись на нет прямые приказы субъекта власти — это правовое общество.

Ценностная направленность деятельности субъекта политической власти, содержание целей руководимой им совместной деятельности людей определяют характер средств политического воздействия, обеспечивающего то или иное распределение субъектности. Но и фактически используемое культурное средство политической деятельности характеризует ее фактическую цель, даже если она скрывается от подвластных.

Современные исследователи по разным основаниям классифицируют типы политической власти, выделяя их по разным основаниям. Самой распространенной является классификация, в которой политические режимы делятся на тоталитарные, авторитарные и демократические, не считая множества промежуточных и переходных типов. В нашем исследовании выделены объективные основания дифференциации политической власти на демократический и недемократический типы на основании ценностной направленности деятельности политиков, которая отражает общий характер цели совместной деятельности людей, организацию и управление которой обеспечивает политическая власть.

Итак, в системе общественных отношений политическая власть выполняет общественную организационно-управленческую функцию, которая заключается в обеспечении целостности общественной жизни. Существуют две основные формы целостности общественной жизни, выступающие основными целями политической власти: субстанциональная целостность общественной жизни, которая представляет собой полноту условий существования конкретно-исторического человека, а также воспроизводства и расширенного воспроизводства человеческого рода, создаваемую наличием базовых сфер общественного производства и оптимальных форм их взаимодействия, необходимых для саморазвития, самосохранения и самодостаточности общества в целом, и частно-ориентированная целостность общественной жизни, складывающаяся по отношению к целям отдельных сфер общественного производства или целям отдельных социальных институтов. Последняя создает угрозу разрушения субстанциональной целостности общественной жизни. Реализация общественной функции политической власти также входит в противоречие с индивидуальной стороной бытия ее носителей. Его разрешение связывается нами с пониманием власти как проявления воли индивида в его отношениях с действительностью, которое осуществляется как свободное развертывание, самореализация «Я» посредством целенаправленной деятельности. Важным условием осуществления власти как воли человека является наличие у него субъектности — способности к целенаправленной деятельности, которая не является врожденной, а возникает и развивается в результате освоения индивидами общественного опыта в отношениях с другими людьми, и возможности такой деятельности. Субъектность человека как способность должна развиваться, как возможность — может делегироваться кем-то кому-то или присваиваться самим субъектом. Политическая власть — это особая форма власти, возникающая в отношениях между людьми; ее целью является распределение и перераспределение коллективной субъектности, содержание которой задается целью совместной деятельности, обеспечивающей

устойчивое функционирование и (или) устойчивое развитие общества как субстанционального целого. Способность к осуществлению такой власти и возможность этого есть политическая субъектность. Политическая власть является профессиональной деятельностью, осуществляемой политиками. Основанием выделения демократического и недемократического типов политической власти является ценностная направленность их деятельности, которая отражает общий характер цели совместной деятельности людей. Демократический тип власти возникает только при наличии ценностной направленности, когда политическая власть обеспечивает интересы общества как субстанционального целого. Главным условием развития форм получения и осуществления политической власти демократического типа является организация и совершенствование политической властью совместной деятельности по определению концептуальных стратегических целей развития общества как субстанционального целого, в которую должны быть включены тем или иным образом практически все члены общества.

2 ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ И НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Данная глава посвящена характеристике политической власти, складывающейся в условиях двух конкурирующих тенденций развития мира: однополярного мира и мира суверенных государств. Установлены качества профессионального политика и качества гражданина как субъектов демократического типа современной политической власти.

2.1 Политическая власть в однополярном мире

Современное общество — это организационная форма совместного бытия человека, которое характеризуется следующими особенностями:

- это информационное общество;
- оно встроено в глобальный мир;
- ему присуща ориентация на демократизацию;
- для него характерна профессионализация политической власти.

Рассмотрим каждую из перечисленных особенностей подробнее.

1. Современное общество — это информационное общество.

Первыми, кто определили, что такое информационное общество, были исследователи из Японии. Там этот термин начали использовать в 1960-х годах.

Почти одновременно с ними термином «информационное общество» стали пользоваться исследователи из США.

Эта теория получила поддержку и со стороны тех ученых, которые изучали становление техногенного или технологического общества, а также тех, кто изучал изменения в социуме, на который влияет возросшая роль знаний.

Теоретиками информационного общества являются такие мыслители, как Д. Бэлл, М. Кастельс, И. Масуда, Э. Тоффлер, Ю. Хабермас.

Основоположниками отечественного изучения информатизации общества являются В. Г. Афанасьев, В. М. Глушков, А. П. Ершов, Н. Н. Моисеев, А. И. Ракитов, А. В. Соколов, А. Д. Урсул.

- И. Масуда («Информационное общество как постиндустриальное общество»)

Он пишет, что для постиндустриального общества характерно ускоренное развитие информационных технологий, из-за чего общество переживает качественную трансформацию. Оно становится однородным в классовом отношении, а качество жизни в нем постоянно повышается. Нищета и безработица практически отсутствуют. Граждане получают обеспеченный досуг. Информация и знание вытесняют труд и капитал. От массового потребления человек переходит к массовому созданию знаний.

- Э. Тоффлер («Метаморфозы власти»)

Он формулирует «триаду власти», которая звучит как «сила — богатство — знание». На протяжении всей работы он доказывает тезис о том, что в современном обществе главным ресурсом становится знание, а сила и богатство постепенно утрачивают свою ценность. Иначе говоря, «кто владеет информацией, тот владеет миром». Информация может заменить огромное количество материальных ресурсов и становится основным средством. Знания перераспределяются, поэтому перераспределяется и власть, основанная на них. Знание — самый эффективный источник власти, поскольку делает достижение цели максимально эффективным. Служит для увеличения богатства и силы в триаде власти.

- М. Кастельс («Власть коммуникации»)

Согласно М. Кастельсу, новые технологии, связанные с производством информации как нематериальных благ, формируют принципиально новое, информационное общество. Возможности информационных технологий приводят к зарождению единой социально-экономической системы, объединяющей весь мир.

- Д. Бэлл («Грядущее постиндустриальное общество»)

В характеристике постиндустриального общества он выделяет следующие особенности:

- главенство знания (а не собственности);
- наличие интеллектуальных технологий;
- переход от производства товаров к оказанию услуг;
- рост численности носителей знания.

- Ю. Хабермас («Вовлечение другого»)

Главная сущность человека — это коммуникативное действие. При этом дискурс — это идеал неискаженной коммуникации, то есть идеальная речевая ситуация, в которой сила или власть не решают, какой аргумент добьется успеха, а участники коммуникации не ограничены во мнениях. Проблема — как позволить людям высказываться, как это организовать. Нужны «дирижеры» для дискурса, и тут в информационном/постиндустриальном обществе большой вопрос заключается в том, кто ими будет: политики или, например, как в концепции М. Кастельса, программисты и переключатели, модераторы различных социальных виртуальных сообществ, например.

Итак, все вышеперечисленные исследователи сходятся на том, что информационное общество — это общество, где производство и потребление информации считаются основным видом деятельности, а информация — самым значимым ресурсом.

Считается, что концепция информационного общества — не более чем разновидность теории постиндустриального общества, ее можно рассматривать как концепцию, где главным фактором общественного развития является производство и использование научно-технической информации.

2. Для современного общества характерно встраивание в глобальный мир.

Тут нами имеются в виду прежде всего связи стран со всеми странами, что характерно для современного глобализованного мира. И хотя некоторые страны сегодня с помощью санкций пытаются изолировать другие страны от мирового

сообщества, тем не менее, с нашей точки зрения, в условиях взаимозависимости государств это сделать просто невозможно. К тому же зачастую коллективным Западом страны Европы и США и выдаются за «весь мир», а о таких странах, как, например, Китай, Бразилия, Индия, вообще при этом не упоминается.

3. Для современного общества характерна ориентация на демократизацию.

Большинство существующих ныне государств называют себя демократическими. Да, понимание демократии от страны к стране может существенно различаться, что порой служит предлогом для некоторых стран обвинить другие в «недемократичности политического режима». С нашей точки зрения, демократия — это необязательно частая смена политической власти, как это понимал К. Поппер. Демократический политический режим предполагает прежде всего перераспределение субъектности. Причем субъектность должна перераспределяться как «сверху вниз», от власти имущих к народу, так и «снизу вверх», от гражданского общества к политической власти.

4. Для современного общества характерна профессионализация политической власти.

Для того чтобы выполнять политические функции в современном мире, нужно быть компетентным, высокообразованным специалистом. Современному политику необходимо множество специфических разноплановых знаний и умений, делающих из него профессионала своего дела.

Что касается временных рамок понятия «современное общество», то их конкретно довольно сложно определить, то есть связать с каким-либо годом. Поскольку глобализация стала возможной благодаря информатизации, то можно связать точку отсчета современного общества с интенсивным развитием коммуникационных связей, а именно с возникновением радио и телеграфа (конец XIX — начало XX века).

В последнее время исследователи все чаще говорят о том, что современный мир является многополярным, поскольку выделились новые центры силы, альтернативные США, такие как Россия, Индия, Китай, Бразилия.

А. Уткин в статье «Геоструктура XXI века» выделил пять мощных тенденций возможных трансформаций современного мира. Первая тенденция — это фиксация однополярности, вторая — глобализация мировой экономики, третья — ослабление государств-наций, четвертая — поиски цивилизационной идентичности, пятая сила — восстание бедного большинства мирового сообщества.

А. Дугин выделяет три противоборствующих на сегодняшний день направления трансформации политической власти в современном мире: однополярность, многополярность и бесполярность. Он делает прогноз мирового развития в сторону бесполярности, которая будет строиться на том, что процессы глобализации станут разворачиваться и дальше и западная модель мироустройства будет расширять свое присутствие среди всех стран и народов земли. Таким образом, интеллектуальная и ценностная гегемония Запада продолжится. Глобальный мир будет миром либерализма, демократии, свободного рынка и прав человека. Но роль США как национальной державы и флагмана глобализации будет, согласно сторонникам этой теории, сокращаться. Вместо прямой американской гегемонии начнет складываться модель «мирового правительства», в котором примут участие представители разных стран, солидарных с общими ценностями и стремящихся к установлению единого социально-политического и экономического пространства на территории всей планеты. Складывание бесполярного мира, с его точки зрения, приведет к установлению глобальной демократии, характеризующейся процессом расплывания принятия решений вплоть до онлайн-референдумов, исчезновению таможенных барьеров, замене политики экономикой [76, с. 35—36].

С нашей точки зрения, в настоящее время можно говорить о противоборстве двух тенденций объективной трансформации политической власти в современном мире: тенденции к складыванию однополярного мира и тенденции к установлению мира суверенных государств.

Однополярный мир складывается тогда, когда политическая власть отдельных государств начинает выражать интересы какой-то одной группы субъектов, имеющей желание и возможности подчинить себе весь мир, в результате чего складывается частно-ориентировочная целостность общественной жизни. В современном мире такими возможностями обладают финансово-экономические транснациональные корпорации, управляющие процессами искусственной глобализации. Их целеполагание определяется сугубо финансовыми издержками и прибылью без учета интересов общества и национальных государств. В качестве внешних субъектов влияния на политическую власть суверенных государств могут также выступать другие государства и официальные надгосударственные структуры, действующие в интересах финансово-экономических транснациональных корпораций. Прежде всего эти корпорации используют влияние США на все государства мира, при этом их доходы могут превышать доходы некоторых небольших государств. В результате сосредоточения больших ресурсов власти в руках ТНК политическая элита контролируется финансово-экономической транснациональной элитой, чьи претензии на власть достаточно сложно ограничить, особенно в условиях, когда представитель принимающего ТНК государства в лице властного субъекта руководствуется собственными или групповыми интересами.

Укрепление позиций ТНК, определение и реализация целей одного государства в интересах другого ведет к потере национального суверенитета, то есть к утрате самостоятельности и независимости в проведении внешней и внутренней политики. «Современная форма глобализации приводит к единству и однообразию, к унификации, она игнорирует национальный суверенитет и национальные границы» [176, с. 6].

Кризис суверенитета современных государств отмечается многими западными исследователями: Д. Агамбенем [2], Ж. Аттали [14], З. Бауманом [26—28], М. Кастельсом [94], Ф. Фукуямой [211—215], С. Хантингтоном [221—

223], Н. Хомским [227—231]. В работе «Средства без цели. Заметки о политике» Д. Агамбен описывает разделение общественно-политической и научной среды на два лагеря: «лагерь тех, кто мыслит конец истории без конца государства» (сторонников мирового правительства) и «лагерь тех, кто мыслит конец государства без конца истории» [2, с. 111]. Примечательно, что в этой его работе от 1997 года лагерю сторонников национального государства уже не нашлось места.

Ж. Аттали, З. Бауман и П. Бурдьё подчеркивают не только утрату суверенитета государств, но и девальвацию места (пространства) вообще. С точки зрения З. Баумана, войны в будущем «легкой современности» больше не будут вестись за территории, поскольку она утрачивает свое значение в эпоху постоянного перемещения капитала. По мнению Ж. Аттали [14], наступившая эра денег установила новый детерминант общественного развития — не пространство, а деньги. В условиях, когда власть непрерывно, свободно и глобально перемещается, «ощущение территории» и ее важность утрачивают значительную долю своей былой ценности.

В настоящее время в России ведется работа по сохранению государственного суверенитета, обеспечиваемая законодательством РФ и ее Конституцией, Стратегией национальной безопасности, Концепцией внешней политики РФ, Доктриной информационной безопасности, Временной комиссией верхней палаты парламента по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела страны. Часть 5 ст. 13 Конституции РФ запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на нарушение целостности РФ. Согласно законодательству РФ на ее территории не допускается осуществление политической деятельности и воздействия на нее со стороны иностранных государств, организаций и международных структур. Данные ограничения реализованы в избирательных процедурах на выборах, когда активным и пассивным избирательным правом обладают только граждане РФ, в праве

государства признавать деятельность отдельных иностранных организаций нежелательной на своей территории, в контроле за деятельностью международных неправительственных организаций, а также некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранных агентов.

Концепция национальной безопасности РФ объявляет защиту суверенитета нашими национальными интересами на долгосрочную перспективу и стратегической целью государственной и общественной безопасности.

Трансформации власти в сторону однополярного мира способствует слабая защита государственного суверенитета, которая оборачивается установлением несимметричных политических отношений в виде неокOLONиализма путем демократического транзита. Демократический транзит в работах его идеологов (С. Хантингтон, «Третья волна» [223]; Дж. Шарп, «От диктатуры к демократии» [247]) представляется мирным, естественным и безальтернативным процессом эволюции мирового развития. На практике же в целях демократизации общества политическая власть одного государства свергает методом цветных революций легитимную власть другого государства, вводятся демократические механизмы получения власти, а механизмам перераспределения субъектности, необходимым для ее последующей реализации, не уделяется достаточного внимания. Новое правительство формируется частично из числа граждан государства-демократизатора, осуществляющих управление в интересах своего государства. Наиболее современным примером является правительство Украины, в котором на трех министерских постах были утверждены граждане иностранных государств. Глава инвестиционного фонда Horizon Capital гражданка США Н. Ярьсько была утверждена на посту главы Минфина, на пост министра здравоохранения Верховная Рада утвердила бывшего министра здравоохранения и социальной защиты Грузии А. Квиташвили, главой Минэкономики был выходец из Литвы А. Абромавичус.

У. И. Робинсон в статье «Чего ждать от политики продвижения демократии США в Ираке» [264] обосновывает тезис о том, что главными задачами

транзитных процессов демократии в западные страны являются получение доступа к их ресурсам через установление политического и экономического контроля за территориями и интеграцию в глобальную капиталистическую систему. Таким образом в мире будет воспроизводиться общественный порядок, отвечающий интересам США, транснациональных элит и международных организаций.

Официальные надгосударственные структуры в современном мире представлены международными организациями, экономическими и политическими объединениями. Трансформацию политической власти в сторону общества однополярного мира усиливает их негативное воздействие на суверенитет национальных государств. Исследователи А. М. Васильев, Л. М. Исаев, Д. Лэйн, Н. И. Петров, Л. Л. Фитуни, А. Р. Шишкина отмечают участие в цветных революциях неправительственных общественных организаций, прямо или косвенно финансируемых иностранными государствами, заинтересованными в изменении политической ситуации в стране. Их финансирование было направлено на создание и поддержку молодежных организаций как будущих иницилирующих субъектов революции. Примерами могут служить такие молодежные организации, как «Отпор» в Сербии, «Кмара» в Грузии, «Пора!» на Украине, «Үох!» в Азербайджане, «Оборона» в России.

Внутри самих международных объединений сегодня складываются непропорциональные отношения между странами-участницами. Как отмечает О. Ю. Бондарь, «в глобализирующемся мире растущая взаимозависимость носит асимметричный характер. Причиной этой асимметрии становится различие в потенциалах участников глобализации, что, в свою очередь, приводит к повышению конфликтности» [42, с. 138]. В ЕС при декларировании равенства стран-членов установлена практика неокOLONIALИЗМА. Еврокомиссия осуществляет перераспределение субъектности между участниками Евросоюза посредством установления квот на производство и экспорт продукции. Эти меры способствуют установлению экономической фрагментации между странами ЕС,

лишают их самостоятельности, нанося ущерб экономикам и ставя в зависимость от дотаций Германии. Brexit произошел в результате недовольства Великобританией перераспределением субъектности между странами ЕС, поскольку большая часть субъектности концентрируется в Германии и не учитываются интересы всех стран-участниц. Жесткая производственная фрагментация между странами ЕС лишает их самостоятельности. Экономические действия ЕС наносят ущерб экономикам небольших государств, ставя их в зависимость от дотаций Германии. Будучи страной с сильной и стабильной экономикой, она определяет политику Еврокомиссии в условиях кризиса. Такая лидирующая роль Германии в ЕС вызывает подозрения в германизации Евросоюза и раздражение у ряда европейских политиков и представителей экспертного сообщества. Навязывание сокращения бюджетных расходов, реформ торгового и трудового рынка, претензии ФРГ на политическое лидерство в силу ее экономических достижений составляет суть обвинений в германизации Европы.

К тому же снижение уровня жизни населения стран Восточной Европы вследствие адаптации к условиям членства в ЕС повлекло за собой нарастание настроений евроскептицизма и деевроинтеграции. Политическая власть должна определяться внутренними потребностями общества, чего нет в ЕС на сегодняшний день. Изначально Европейский Союз создавался в сугубо экономических интересах стран-участниц. На практике же вступление в него создало для национальных государств ряд проблем: изменение национального законодательства согласно европейским стандартам, перестройка банковской системы для работы с единой валютой. Членство в ЕС нанесло удар по сельскому хозяйству Финляндии, Швеции и Дании, а также стран Балтии. В Эстонии доля сельского хозяйства в ВВП уменьшилась более чем в пять раз. При этом предоставляемые населению пособия не компенсировали нанесенного ущерба. Вступив в ЕС, Эстония никогда больше не сможет прокормить себя сама, так как европлан позволяет ей производить только половину

необходимого, а другую половину Таллин обязан импортировать. Еще одна страна, вынужденная сократить производство, — Финляндия. Там в результате сокращения производства молока и его неполного соответствия европейским стандартам разорились многие мелкие хозяйства. Большие дотации получают страны Восточной Европы за счет перераспределения доходов из стран Центральной Европы. Однако и там переход на евро вызвал рост цен при сохранении доходов населения на прежнем уровне. Вредит национальным экономикам многих европейских государств также политика Брюсселя по введению и продлению антироссийских санкций. Так, общие потери от них для европейской экономики составили сотни миллиардов евро.

Действия другой крупной международной организации, Организации Североатлантического договора (НАТО), на протяжении последних лет свидетельствуют о ее претензиях на главную роль в процессе трансформации политической власти на международной арене в условиях конкуренции тенденций к складыванию однополярного и многополярного мира. Операции в Ираке и Югославии продемонстрировали реализацию НАТО интересов США. Расширение ее сферы влияния на Восток представляет угрозу национальному суверенитету России. Одна из причин инициирования возвращения Крыма в состав России, повлекшего за собой международный конфликт и введение санкций, негативно влияющих на экономику всего мира, — расширение НАТО. Изначально этот военно-политический союз представлял собой альянс свободных государств, призванный защитить Западную Европу, но сегодня НАТО превращается в неоимпериалистический блок, присвоивший себе право нападать на государства под предлогом защиты демократии и соблюдения прав человека. Тем не менее актуальным остается налаживание отношений с НАТО в рамках совместной борьбы с международным терроризмом. Государственная стратегия борьбы с терроризмом РФ включает создание глобальной системы противодействия террористическим угрозам, что невозможно без международного сотрудничества.

Другие международные организации: МВФ, Всемирный банк, ВТО — своими действиями способствуют укреплению тенденции к установлению однополярного мира. Реформы структурного приспособления, проводимые в рамках неолиберальной политики МВФ, Всемирного банка, ВТО, приводят к негативным последствиям для государств-участников. Рестриктивная бюджетная политика приводит к сокращению социальных расходов государства, повышению уровня коммерциализации образования и здравоохранения, занижению курса национальной валюты, дерегулированию финансовых рынков, зависимости экономики от иностранных инвестиций, приватизации общественных благ. Реформы структурного приспособления направлены на ослабление национального государства с последующей нивелировкой его политической власти до административной.

Тенденция становления однополярного мира усиливается также влиянием на политическую государственную власть внутригосударственных групп, сознательно действующих в интересах названных выше субъектов политического влияния. К ним относятся некоторые социальные группы и политические партии, отдельные сферы общественного производства.

А. де Токвиль в работе «Демократия в Америке» [189] называл главным недостатком демократии возможность установления «тирании большинства». В условиях частно-ориентировочной целостности общественной жизни складывается «тирания меньшинства», при которой интересы отдельных групп реализуются в ущерб интересам всего общества. Расширение правосубъектности ЛГБТ-сообщества (легализация однополых браков, усыновление детей однополыми парами, исчезновение понятий «отец» и «мать» с их заменой на «родитель-1» и «родитель-2») приводит к деградации института семьи и снижению рождаемости населения.

Частно-ориентировочная целостность общественной жизни складывается в условиях выражения интересов групп промышленного и финансового капитала в ущерб интересам остальной части населения. Это может приводить либо

к установлению олигархии, как было в нашей стране в период президентства Б. Н. Ельцина, когда олигархизация происходила в результате сращивания бизнеса в процессе стихийной приватизации, и госаппарата, что повлияло на коррумпированность государственной власти, которую до сих пор не удается преодолеть, либо к ослаблению национальной идентичности. В работе «Кто мы?» С. Хантингтон указывает на эту проблему, которая формируется мультикультуралистски настроенной транснациональной финансовой элитой. «Интеллектуалы, выдающиеся ученые нападают на национальную гордость, называют ее морально опасной, призывают искоренить зло национальной идентичности» [221, с. 28]. Он пишет, что еще в XX веке американцы любого этнического происхождения на вопрос «кто ты?» отвечали «американец». Сегодня он скорее ответит «китаец», «еврей» или «индус», нежели «американец». И это притом, что, по выражению А. Блума, «американский режим был создан, чтобы преодолеть этноцентризм» [261, р. 39]. Сегодня транснациональная политическая элита преодолевает европейский этноцентризм и этноцентризм стран третьего мира.

Этнический сепаратизм, провоцируемый транснациональной элитой, разрушает территориальную целостность государства, а выражение государственной властью целей одной этнической группы ведет к дискриминации и ксенофобии. Согласно К. Шмитту [250], суверенный народ сам определяет своих врагов. Если народ не обладает суверенитетом, за него это делает другой народ. Так происходит в современной Украине, где ориентация политической элиты на европейскую интеграцию приводит к отрицанию исторического социокультурного единства славянских народов, навязыванию русофобии и расколу общества.

Складыванию однополярного мира способствуют отдельные, как правило, оппозиционные политические партии, профинансированные внешними субъектами власти. Тенденция к становлению однополярного мира усиливается, когда государственная власть выражает интересы только одной партии. Этому

может способствовать партийная принадлежность президента, который, избираясь от определенной партии, в своей деятельности вынужден руководствоваться ее интересами. Возможность достичь успеха на выборах, баллотируясь от крупной партии, ставит субъекта власти впоследствии в зависимость от нее.

Сама же политическая партия зачастую зависит от финансирования транснациональными корпорациями. Например, политическими спонсорами Республиканской и Демократической партий США являются Microsoft, General Electric, General Motors, Boeing и др.

Согласно ФЗ РФ «О политических партиях» политическая партия, помимо государственного финансирования, вправе принимать пожертвования в виде денежных средств и иного имущества от физических и юридических лиц. Спонсорами некоторых российских партий выступали «ЮКОС», «ЛУКОЙЛ», «ИНТЕРА» и другие ТНК. Финансирование со стороны негосударственных источников является важным ресурсом для усиления преимуществ политической партии при проведении избирательной кампании, но впоследствии голоса членов ее фракции в Думе будут распределяться в интересах спонсоров. Например, если партия активно поддерживалась крупным бизнесом, то на голосовании по вопросам о повышении МРОТ и поддержке многодетных семей она с большой вероятностью выступит против, а по вопросам об ограничении социальных выплат или приватизации какой-либо государственной сферы — за.

Усиление тенденции трансформации политической власти в сторону однополярного мира происходит, когда политические партии организуются на основе незначимых для общества оснований в целях создания иллюзии многопартийности и демократичности общества. Например, в период «стихийной многопартийности» в нашей стране существовала «Партия любителей пива». На сегодняшний день подобные партии есть на Украине («Партия почитателей женщин»), в Румынии («Партия красивых»), Дании («Партия добросовестно отлынивающих от работы бездельников»), Канаде («Партия радикальной

марихуаны»), Швеции («Жонглерская партия»). В Нидерландах действует «Партия свободы», состоящая только из двух членов: основателя Г. Вилдерса и его некоммерческого фонда.

Различные национальные фонды одних государств, действующие на территории других государств, или организации также могут способствовать усилению тенденции установления однополярного мира. Например, Американский национальный фонд в поддержку демократии (NED) и «Белые каски». NED является организацией, основанной Конгрессом США в целях содействия становлению и развитию демократии и свободы во всем мире. Являясь некоммерческой организацией, он предоставляет денежные субсидии частным лицам и организациям под благовидным предлогом исследования развития демократии и прав человека. По факту же, согласно данным портала «Викиликс», фонд оказывал поддержку арабским молодежным движениям, принявшим активное участие в революциях на Ближнем Востоке, предоставлял гранты пособникам террористов, финансировал организации, оказывающие поддержку сепаратистам, и, по данным Минюста, участвовал в финансировании каждой четвертой организации, признанной иностранным агентом. «Белые каски» — частная добровольческая организация гражданской обороны, базирующаяся в Великобритании и действующая на территории Сирии. Некоторые их отчеты из Сирии подозреваются сфабрированными, особенно это касается видео о применении правительственными силами химического оружия в Думе, следствием чего стали авиаудары по Сирии в апреле 2018 года коалиции США, Франции и Великобритании.

В современном мире в самостоятельную подсистему общественных отношений выделились сферы рыночных и финансовых отношений. Целью данных сфер является получение главного для них продукта в виде финансового капитала, при котором человек превращается из цели общественного развития в средство. Реализацией данной цели служат группы давления, осуществляющие деятельность по продвижению законопроектов на разных уровнях власти, что

приводит к складыванию частно-ориентировочной целостности общественной жизни. В ряде стран лоббизм запрещен, в других регулируется системой регистрации и обязательной отчетности. По мнению исследователей проблемы лоббизма в России, чаще всего лоббирование в нашей стране осуществляется в органах исполнительной власти. При этом используются такие методы, как рекрутирование нужных сотрудников в структуры власти, подкуп должностных лиц, использование неформальных связей и контактов, судебные иски, тяжбы и аресты, привлечение на свою сторону СМИ. С развитием темпа глобализации учащаются случаи иностранного лоббирования как влияния иностранных групп давления на государственные органы с целью добиться от них принятия определенных решений.

Религия является важным компонентом духовной сферы жизни общества, обеспечивающим его сплоченность. Но при этом она может также быть и источником дезинтеграционных процессов в нем и фактором, усиливающим тенденцию к установлению однополярного мира. В работе «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон назвал религию одной из главных причин противостояния между государствами, которое со временем будет только нарастать. «Конец двадцатого века стал свидетелем повсеместного возрождения религий. Это возрождение заключалось в усилении религиозного сознания и подъеме фундаменталистских движений» [222, с. 86]. Интенсификация миграционных процессов последних лет привела к столкновению исламской и европейской цивилизаций. Беженцы-мусульмане не желают интегрироваться в немецкое общество, поскольку отвергают западные ценности, живя не по светским законам Европы, а по собственным религиозным ценностям внутреннего и внешнего джихада как борьбы против неверных, к которым относятся представители всех иных религиозных групп. Непродуманная миграционная политика Германии поставила под угрозу безопасность во всей Европе. Теракты прогремели в Брюсселе, Ницце, Мюнхене, Берлине и ряде других городов.

Религия вовлечена во многие кровавые противостояния: в Северной Ирландии — конфликт между католиками и протестантами; в Египте — притеснение христианского меньшинства (коптов) и разделение общества на секуляристов и исламских интегралов; в Индии и Пакистане — конфликт по поводу Кашмира, населенного в основном мусульманами, но частично присоединенного к Индии.

Современный религиозный терроризм и различные фундаменталистские движения являются порождением процессов усиления региональных, культурных, духовных различий в условиях глобализма. Зачастую они не решаются, будучи дельта-результатом непродуманной внешней политики некоторых государств, а заостряются и используются участниками международных отношений, например Саудовской Аравией, Пакистаном, США или Турцией, в качестве геополитического инструмента передела мира, расширения их сфер влияния, что дестабилизирует международную обстановку, так как цели отдельных групп противоречат целям большинства населения. В настоящее время в мире насчитывается более 500 террористических организаций. Работа по борьбе с ними ведется Контртеррористическим комитетом ООН, Комиссией по борьбе с терроризмом Совета Европы, НАТО, Интерполом, Национальным антитеррористическим комитетом России.

В складывающемся однополярном мире целям политической власти соответствуют определенные характеристики политического языка как ее основного средства. Освоение развивающимся человеком содержания общественного опыта, культуры сопровождается возникновением захваченности его тем, на значимость чего указывает слово. До XX века смысловое содержание общих представлений, понятий и категорий складывалось в результате переживания множеством людей отношений с миром и отражало то, общезначимость чего выделялась условиями их жизни. В XX веке, когда было выявлено, что смысловое содержание слова позволяет управлять стремлениями людей, в общественный опыт стали целенаправленно вводиться слова,

словосочетания, несущие смысл, специально конструируемый определенными людьми для достижения своих целей [234]. Так, Э. Кассирер пишет: «Отштампованы новые слова, старые используются совершенно в другом смысле, несут новые значения. Изменением их значения мы обязаны тому, что слова, ранее употребляемые в логическом, описательном, семантическом смысле, нынче используются как магические и должны производить соответствующий эффект и возбуждать определенные эмоции. Наши обычные слова наполнены смыслом, но эти, вновь слепленные, — чувством, безумными эмоциями» [91, с. 112].

В современном обществе многие важные политические понятия меняют смысл, что выражается в такой его характеристике, как манипулятивная семантика. На возможности манипулятивной семантики языка обратил внимание еще Т. Гоббс. Он называл некоторые понятия «непостоянными» в силу того, что «имена таких вещей, которые вызывают в нас известные эмоции, то есть доставляют нам удовольствие или возбуждают наше неудовольствие, имеют в обиходной речи непостоянный смысл, так как одна и та же вещь вызывает одинаковые эмоции не у всех людей, а у одного и того же человека — не во всякое время [59, с. 29]. Непостоянными, таким образом, оказываются все политические понятия политического языка.

Политический язык — это не просто средство коммуникации субъектов политической власти друг с другом, но и способ передачи смыслов, с помощью которых обществу транслируются определенные цели, задачи, образы будущего развития. Размытость смысла происходит вследствие изменения ценностей, которые закладываются в содержание понятий. Например, долгое время главной ценностью, вкладываемой в понятие «демократия», было «народовластие» как осмысленное участие граждан в управлении страной. Сейчас основная такая ценность — выборы, что является следствием политического процедурализма, при котором демократия нивелируется до комплекса необходимых процедур. К представителям данного подхода к пониманию демократии можно отнести К. Поппера, С. Хантингтона, Й. Шумпетера.

Й. Шумпетер сводит демократию к «демократическому методу», суть которого — в простом обеспечении конкурентной борьбы за голоса избирателей [252, с. 355]. Согласно К. Попперу, смысл демократии заключается в возможности мирной смены правителя, а «там, где возможна бескровная смена правительства, уже не имеет значения, кто правит» [165]. Следуя традиции Й. Шумпетера, С. Хантингтон в работе о демократическом транзите «Третья волна» понимает политическую систему какого-либо государства как демократическую «в той мере, в какой лица, наделенные высшей властью принимать коллективные решения, отбираются путем честных, беспристрастных, периодических выборов, в ходе которых кандидаты свободно соревнуются за голоса избирателей, а голосовать имеет право практически все взрослое население» [223, с. 17].

Безусловно, выборы являются важным политическим механизмом и их значение в развитии общества сложно переоценить, но следствием таких трактовок понятия «демократия» является электоральный фундаментализм как «несгибаемая вера в то, что демократия немислима без выборов, что выборы являются необходимым, Богом данным условием существования демократии. Зачастую при процессах транзита демократии они используются как средство обоснования или оспаривания легитимности действующей политической власти, и «сегодня демократия превратилась из политического идеала народовластия в геополитическую доктрину однополярного мира» [139].

Помимо электорального фундаментализма, еще одним средством изменения ценностного содержания понятия демократии является, по выражению У. Эко, «популистский деспотизм» [254, с. 14]. Политики-популисты выхолащивают значимое содержание демократии, сводя ее до формулы «все хорошее и ничего плохого». Такая неопределенность и вездесущность использования усиливает недоверие к политической власти в обществе.

Еще одним важным политическим понятием является понятие «мир». Президент Украины постоянно заявляет о стремлении к миру, но содержание его выступлений резко резонирует с насильственными действиями. Вероятно,

ценность понятия «мир» для президента Украины заключается не в прекращении военных действий, а в достижении поставленных целей, идущих в разрез с интересами собственного народа. Чем не современный пример оруэлловского двоемыслия, по которому «война — это мир» [150, с. 4]?

Понятие «свобода» является ключевым политическим термином либеральной демократии. При этом ее ценность все больше акцентируется на свободе от вмешательства государства, чем на свободе как гармоничном сосуществовании государства, гражданского общества и личности.

Еще одним важным политическим понятием является «справедливость», в которое заложено несколько смыслов: равенство, закон, возмездие. Его используют в своем политическом языке разные субъекты: президент — в геополитическом смысле, партия КПРФ — в традиционном эгалитаристском смысле.

На каждом историческом этапе развития общества есть общественный запрос на определенные понятия. Как писал Х. Плеснер, у каждого времени есть свое «заветное слово» [156]. Люди могут поддерживать разных политических лидеров в разное время, но общественный запрос на такие понятия, как демократия, свобода, мир, справедливость, переживет любого политика.

Манипулятивная семантика политического языка в условиях укрепления тенденции складывания однополярного мира усиливается манипулятивными технологиями: импликацией, упрощением, стереотипизацией, фрагментацией текста и компиляцией, многократным повторением и подменой понятий.

Поскольку на формирование мнения о каком-либо событии влияет понятие, которым его обозначают, прием подмены понятий используют при наименовании, например, сепаратистов борцами за свободу (и наоборот); патриотов — националистами/ксенофобами (и наоборот), поэтому, как писал С. Жижек, «борьба за политическую гегемонию, таким образом, всегда является борьбой за присвоение терминов» [80, с. 242].

Многokратное повторение этих понятий закрепляет в сознании нужный коммуникатору образ. Фрагментация и компиляция текста осложняют его целостное восприятие, а упрощение (минимизация использования специальной лексики, жаргонизмы, сленг), стереотипизация (использование шаблонов и паттернов) и импликатура (предпосылочность), напротив, способствуют пониманию нужным для отправителя образом.

Например, «твиттер-дипломатия» — это наглядное воплощение фрагментации современного политического языка. Используя социальную сеть, в которой максимальный объем сообщения не должен превышать 280 символов, для размещения зачастую противоречащих заявлений, бывший американский президент Д. Трамп снижал уровень доверия к себе как собственных избирателей, так и всего мирового сообщества. Фрагментация политического языка приводит к формированию клипового сознания, неспособного охватить действительность во всей полноте.

На уровне международных отношений в современном мире коммуникация между государствами выстраивается с позиции силы, что усиливает тенденцию трансформации власти в сторону однополярного мира. В условиях глобализма, демократического транзита и проецирования национальных интересов отдельных государств на весь мир, силовая политическая риторика является как средством демонстрации силы, так и средством защиты суверенитета. Политический язык Пхеньяна и США идентичен, хотя угрозы действовать «огнем и яростью», провоцирующие возможность ядерной войны, неприемлемы для демократической страны — члена Совета Безопасности ООН. Силовая политическая риторика выражается в использовании таких оборотов речи, как «Неуязвимая ракета Путина нацелена на слабые места США» (заголовок газеты New York Times), «Хватит ли Путину денег на войну?» (заголовок газеты Newsweek Polska), «Россия должна отойти в сторону и заткнуться» (заявление министра обороны Великобритании Г. Уильямсона).

Распространению силовой политической риторики способствует также и популизм, поскольку любая его форма «нацелена на то, чтобы заручиться консенсусом, сплачивая вокруг себя народ против внешней угрозы или против тайного внутреннего врага» [252, с. 87]. Такой сконструированной угрозой для современного западного мира, без сомнения, является Россия. В политическом языке США и Европы «Российская угроза» и «Русский след» являются на сегодняшний день наиболее часто употребляемыми новостными заголовками. Статьи под ними тщательно редактируются и цензурируются на предмет выражения симпатии к нашей стране.

Несмотря на то что в современном обществе декларируются свобода слова и плюрализм мнений, для недемократического типа политической власти характерно применение цензуры — государственного надзора за содержанием и распространением информации. Но эта цензура принимает иные формы, маскируясь под толерантность и политической корректностью. Они обе являются значимыми ценностями демократического общества и важной частью соблюдения прав человека, но при использовании в целях отдельных групп, а не всего общества, трансформируются из ценности в средство власти.

«Политкорректность — политическое орудие. Оно служит для контроля мнений в условиях свободы слова. Путем насильственной замены неpolitкорректных слов на политкорректные осуществляется насильственный перевод мнений и высказываний из одной системы мысли в другую, более того, из одной картины мира — в другую» [87, с. 28]. Она ограничивает диапазон использования политического языка и табуирует некоторые важные для обсуждения темы, формируя спираль молчания. Суть спирали молчания заключается в том, что люди, боясь общественного осуждения, остерегаются открыто выражать собственное мнение, если думают, что оно противоречит общепринятому, и инициировать дискуссии по проблемам, о которых принято молчать. Например, табуируются, оказываясь «в тени молчаливого большинства»,

важные для общества гендерные, этнические, религиозные проблемы, проблема адаптации мигрантов.

Замалчиваться обществом могут не только проблемы, но и альтернативные общепринятым политические предпочтения и взгляды. Например, как пишет А. Бадью: «Не быть демократом сегодня как бы запрещено. Точнее говоря: само собой разумеется, что человечество устремлено к демократии, и всякая субъективность, подозреваемая в недемократичности, считается патологической [18, с. 162]. Это приводит как к тому, что к власти приходят недемократы, способные представляться самыми рьяными ее сторонниками, так и к явлению «сдвига последней минуты», когда, например, на выборах побеждает кандидат, который, согласно опросам общественного мнения, не пользовался достаточной для победы поддержкой электората. Примером тому может быть президентская кампания в США, когда вопреки результатам опросов общественного мнения, прогнозам и ожиданиям экспертов президентом стал Д. Трамп.

Искусство слова, как пишет В. Бибихин, «не в том, чтобы отыскать в лексиконе нужный инструмент, как подбирают ключ, а в умении допустить слово до звучания во всем его размахе» [34, с. 41], чему препятствует современная политкорректность как цензура политического языка.

Еще одной скрытой формой цензуры является «Демократия шума», которая в условиях информационной избыточности осложняет восприятие значимых сообщений и способствует формированию фрагментарности мышления. Современный человек находится в постоянной ситуации интерпретационного выбора. Это часто приводит его в состояние зрительского замешательства, поскольку он способен воспринимать очень ограниченный объем информационных сообщений, не впадая в состояние сенсорной перегрузки, влекущей за собой искаженное восприятие реальности.

Искаженное восприятие явлений общественной жизни формируется посредством «фейк-ньюс». Следуя по стопам постмодернистов, для которых социальная реальность необязательно отражается в языке, ньюсмейкеры

и политтехнологи посредством фальшивых новостей намеренно вводят общество в заблуждение в целях дискредитации политической власти. Бум фейковых новостей пришелся на избирательные кампании Д. Трампа и Д. Байдена. Еще пример псевдоновостей — распространение заведомо ложной информации о различных аспектах проведения специальной военной операции. Вокруг СВО сейчас ведется масштабная ментальная война, которую нельзя недооценивать, поскольку от победы в ней зависит сплоченность общества.

Распространение «фейк-ньюс» привело к тому, что в Оксфордском словаре появилось понятие «постправда», которое определяют как «нечто, относящееся к обстоятельствам или обозначающее обстоятельства, в которых объективные факты влияют на формирование общественного мнения меньше, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям» [109, с. 13].

Политическая власть рационализируется, интернализируется и легитимируется дискурсами в СМИ. В работе М. А. Корецкой обосновывается, что «современные дискурсивные практики власти генерируют эффекты ускользания» [100, с. 11]. Медиакратия, базирующаяся на информационных войнах, твиттеринге, использовании социальных сетей и СМИ-иноагентов, способствует складыванию однополярного мира. В 2017 году Госдума приняла закон о СМИ — иностранных агентах, согласно которому СМИ, имеющие иностранные источники финансирования, будут зарегистрированы как таковые и будут обязаны сопровождать свои публикации пометкой «иностранный агент». В список СМИ-иноагентов на сегодняшний день входят «Голос Америки», «Радио Свобода», телеканал «Настоящее время», «Крым. Реалии» и др. Либеральная часть общества оценила этот закон как ограничение свободы слова в РФ. С нашей точки зрения, он является приемлемой мерой для предотвращения вмешательства в суверенитет нашей страны иностранных субъектов политической власти.

В современной общественной жизни становится все более популярным и доступным средством коммуникации Интернет. М. Маклюэн предрекал

превращение мира на его основе в глобальную электронную деревню [122]. М. Кагельс, придерживаясь тех же взглядов, вводит понятие «сетевое государство». С его точки зрения, «даже если национальное государство не исчезнет полностью как особая форма социальной организации, изменятся его роль, его структура и функции, оно постепенно эволюционирует в новую форму государства: сетевое государство» [94, с. 35].

Социальные сети и мессенджеры могут оказывать дестабилизирующее влияние на внутривластную обстановку страны и способствовать складыванию власти недемократического типа. Различные запрещенные в РФ террористические организации также прибегают к использованию социальных сетей при вербовке своих сторонников. Через эти каналы во время президентской предвыборной кампании в РФ в марте 2018 года активно распространялись инструкции по дискредитации выборов (порча бюллетеней, призывы к бойкотированию), призывы к нелегитимным формам политического участия и т. п.

Сегодня в СМИ и сети Интернет формируются знания о ценностях, отражающие групповое значимое и индивидуально значимое. Воспитание индивидуалистов, неспособных к установлению прочных социальных связей, сконцентрированных прежде всего на собственной частной жизни и пренебрегающих общественной жизнью, способствует атомизации общества и снижению его способности к сопротивлению власти. «Они перестают быть гражданами в публичной сфере и становятся потребителями по отношению к ней» [260, с. 122]. В таких условиях, как отмечают М. Яцино [259] и Н. Мойзес [132], наступает «конец власти» — политика превращается в простое администрирование».

Дельта-результат в условиях однополярного мира формируется и наращивается одним государством в целях использования против политической власти другого государства или дестабилизации международной обстановки в целом. Например, действия США в Сирии породили интенсификацию

миграционных процессов и кризис мультикультурализма в Европе, что привело к Brexit, который, в свою очередь, вновь актуализировал сепаратистские тенденции в Шотландии и Каталонии. Что касается использования дельта-результата на внутривнутриполитическом уровне, то отсутствие работы с ним и его накопление может свидетельствовать об отсутствии отлаженного механизма преемственности политического курса и сменяемости политической власти. Так «сдающая позиции» политическая власть пытается усложнить работу будущей новой политической власти, ожидая ее фиаско в условиях перегруженности дельта-результатом, оставшимся в «политическое наследство» от предыдущей власти.

В условиях недемократического типа политической власти, характерного для однополярного мира, либо дельта-результат может не оглашаться и замалчиваться, либо информация о его реальных масштабах может искажаться в большую или меньшую сторону, либо общество может быть дезинформировано о его источниках. Так, в качестве источника миграционного кризиса в Европе называется деятельность России в Сирии, а не политика США. Главным источником украинского кризиса называется тоже наша страна, а не деятельность ЕС, поддержка силового захвата власти в стране транснациональными корпорациями или слабость действующей политической власти.

Итак, в складывающемся однополярном мире формы отдельные государства и общества вынуждены в первую очередь реализовывать чуждые для них интересы надгосударственных структур или других государств. В этих условиях политические отношения перераспределения субъектности «снизу вверх» утрачивают смысл. Право на власть дается не народом собственной страны, а внешними субъектами влияния. Выборами, как способом перераспределения субъектности «снизу вверх», начинают управлять через всевозможные политтехнологии, редко допускающие проявление действительной воли народа. Государственная власть мало озабочена интересами своих граждан, особенно когда эти интересы входят в противоречие, например, с интересами ВТО или

США. Это могло бы создать условия для выражения протестных форм перераспределения субъектности «снизу вверх» вплоть до переворотов и революций. Но такого в странах, стремящихся войти в структуру однополярного мира, как правило, не возникает. Причиной этого, с нашей точки зрения, служит действие нескольких факторов: работа по воспитанию эгоистического типа личности, ориентированного в первую очередь на потребление, на исполнение своих желаний.

Осуществление государственной политической власти как перераспределения субъектности «сверху вниз» либо базируется на манипулятивных технологиях управления, либо имеет насильственный характер: невозможно объединить усилия множества людей, если их используют как средства реализации целей даже не своего государства.

Выявленный нами характер определения целей государственной политической власти, обусловленных ими средств и форм перераспределения субъектности в политических отношениях показал, что становление однополярного мира сопровождается утратой демократических форм политической власти, укреплением политической власти недемократического типа и соответствующих этому типу форм получения и осуществления политической власти.

2.2 Политическая власть в мире суверенных государств

В мире суверенных государств политическая власть отдельных государств в той или иной степени стремится обеспечить существование общества как субстанциональной целостности, которая может сложиться только тогда, когда интересы индивидов, общественных групп и самого государства согласуются. Без этого никакое государство не сможет сохранить свою суверенность. Реализация политической власти ценностной направленности на интересы общества как

субстанциональной целостности требует укрепления и развития демократического типа политических отношений и политической власти.

Согласованию интересов индивидов, общественных групп и государства способствуют политические партии. По мере становления демократии развивается многопартийность, обеспечивающая единство политического многообразия и общезначимой цели. Оно осуществляется при условии, что политические партии (правящие и оппозиционные) преследуют интересы внутренних субъектов власти, а президент не является членом какой-либо партии в целях обеспечения диалога между ними на основе регулярных встреч с лидерами фракций и непарламентских партий. С нашей точки зрения, для президента желательна беспартийность. Как политолог должен быть беспартийным для того, чтобы объективно анализировать деятельность партий, так и президент должен быть беспартийным в целях непредвзятого отношения каждой из них. В нашей стране президент является беспартийным и баллотируется на выборах как самовыдвиженец, а не как кандидат от определенной партии, что обеспечивает его независимость как от партийных предпочтений электората, так и от самих политических партий. Беспартийность также желательна для претендента в президенты, поскольку зачастую для прохождения минимального порога подписей для регистрации кандидаты предпочитают баллотироваться от партии, поскольку необходимо собрать меньше подписей в поддержку, чем для самовыдвиженцев, при этом даже не разделяя программу, ценности и идеалы данной партии. Американская же модель президентства предполагает, что, во-первых, президент в целях реализации своей политической программы должен быть партийным и добиваться сплочения собственной партии вокруг своей программы. Во-вторых, главе государства необходимо постоянно взаимодействовать с влиятельными политическими группировками и лидерами оппозиционных партий, особенно если они составляют большинство в Конгрессе, так как только в этом случае он может рассчитывать на то, что его предложения и инициативы будут реализованы.

Именно поэтому лоббистский аппарат Белого дома неустанно использует самые разнообразные формы и методы привлечения на сторону президента ведущих деятелей и той партии, к которой принадлежит сам президент, и оппозиционной партии.

Для установления и укрепления демократического типа политической власти важны не только отношения между партией и президентом, но и отношения внутри самой партии, так как это влияет на отбор кандидатов для голосования. С 2016 года партия «Единая Россия» проводит открытое предварительное голосование по всей стране, то есть отбор кандидатов из числа членов партии, которые пойдут на выборы, определяют граждане, а не партийное руководство. В рамках процедуры предварительного голосования партия «Единая Россия» организовала проект «ПолитСтартап», который стартует сразу после окончания праймериз. Он дает возможность участникам пройти онлайн-обучение, собрать избирательный штаб, получить консультацию эксперта-наставника по ведению избирательной кампании, стать кандидатами от партии «Единая Россия» при условии победы на праймериз или получить стажировку в избирательный штаб другого кандидата.

Поскольку производство выступает субстанцией социального, то обеспечение развития всех основных сфер общественного производства необходимо как для поддержания внутренней системной целостности общества, так и для всестороннего развития индивида через его включенность в различные отношения. Это реализуется посредством работы государственной власти в области экономической, социальной, культурной политики. Государственное регулирование сфер общественной жизни осуществляется на основе государственных программ, стимулирующих активность граждан. В России действуют государственные программы по направлениям: «новое качество жизни», «инновационное развитие и модернизация экономики», «эффективное государство», «сбалансированное региональное развитие», «обеспечение национальной безопасности».

В современном обществе важным компонентом национальной безопасности и фактором, обеспечивающим трансформацию политической власти в сторону мира суверенных государств, является религия. Религиозный фактор в условиях демократизации политической власти становится средством консолидации общества, сохранения нравственности и традиционных ценностей, духовного и нравственного воспитания и регулирования международных отношений. Религия — часть истории народа, она пронизывает его культуру, в том числе политическую. В России она часто использовалась для легитимации политической власти и притязаний на нее сначала князей, а потом и московских царей. Православие сыграло роль при формировании идей о величии России и ее особом пути, воспитании чувств патриотизма и преданности государству и обществу. Идеи богоизбранности характерны и для американского народа. Т. Джефферсон предлагал изобразить на государственном гербе США взятый из Библии образ сынов Израиля, идущих за лучом солнца. По определению А. де Токвиля [189], религия в США представляла собой первый политический институт. И вообще Божественная идея прошла сквозь политическую историю всех народов, так как регулятивная и интегративная функция присущи и политике, и религии. Политика обеспечивает целостность общества, порядок и стабильность, регулирует отношения между людьми, сглаживает противоречия. То же самое делает и религия, поэтому она необходима обществу даже в условиях современной светской демократии. В стабильном демократическом обществе роль репрессивных методов власти все больше снижается, а авторитет нравственных норм, формирующихся в том числе посредством религии, увеличивается.

Отношения между суверенными государствами могут выстраиваться только на основе соблюдения норм международного права, исключающих применение двойных стандартов при участии в международных организациях. Эта взаимная заинтересованность в сохранении суверенитета проявляется в попытках

некоторых государств укрепить международное право и развивать демократические формы отношений в рамках ООН, ШОС, БРИКС.

В то же время в деятельности Совета Безопасности ООН при заявленной ценности равенства стран-участниц наблюдается практика двойных стандартов (в отношении Абхазии и Южной Осетии, с одной стороны, и в отношении Косова — с другой), которая свидетельствует об ослаблении демократического типа политической власти. В этом проявляется борьба сторонников двух тенденций социальных изменений: тенденции становления однополярного мира и тенденции становления мира суверенных государств. Тем не менее ООН является необходимым инструментом решения проблем мирового масштаба. Организация Объединенных Наций занимает центральное место в системе межгосударственных организаций и играет важную роль в современном международно-политическом и социальном развитии. Ее деятельность необходима для поддержания международной стабильности и обеспечения международной безопасности, предупреждения и урегулирования международных конфликтов. ООН была создана в соответствии с идеей о том, что универсальная организация сможет помочь избавиться от войн и конфликтов, заменить силовой механизм регулирования международных отношений политико-правовым. Более чем за полувековой период своей истории ООН, безусловно, не стала спасением от многих конфликтных ситуаций, но многостороннее сотрудничество под эгидой ООН оставляет надежду на установление многополярного мира независимых национальных государств. Сегодня ее страны-участницы объединены целью трансформировать ООН в плодотворно и оперативно действующую организацию, обладающую эффективностью управления, ставящую перед собой выполнимые цели и гибко реагирующую на возникающие кризисные ситуации и меняющиеся потребности, проявляющую отзывчивость на запросы каждого члена международного сообщества.

В складывающемся мире суверенных государств политический язык является средством политической власти по организации единства общества и обладает следующими характеристиками: отсутствие манипулятивной семантики и манипулятивных технологий, мирная риторика, непредвзятое отражение плюрализма мнений всех участников политического дискурса.

Развитию общества в направлении демократизации способствуют знания о ценностях наибольшей степени общезначимости: знания об обществе как социальной форме бытия, о взаимодействии общества, государства и индивида, укрепление гуманистических ценностей (справедливость, согласие, взаимопомощь и т. п.). Это требует высокого уровня воспитания, образования и всеобщего политического просвещения общества.

Возможность сохранения суверенитета государств во многом определяется внутренними общественными отношениями, организующим основанием которых является политическая власть. Для самой власти становится необходимым организация как можно большего числа форм перераспределения субъектности в политических отношениях «снизу вверх». Исследование процесса становления таких форм политических отношений нами проведено на основе анализа политической системы России.

С одной стороны, все больше людей привлекается к определению как дельта-результата той совместной деятельности людей, которая приводит к позитивным изменениям в жизни страны, так и дельта-результата работы субъектов государственной власти, политической, и административной. Участие в этой работе принимают индивиды, общественные организации, социальные институты. В России это Общероссийский народный фронт, Общественная палата, общественные советы, общественные приемные партий, приемная президента и т. д. Организация обратной связи с населением устанавливается посредством проведения гражданской экспертизы, организации рабочих групп, общественного мониторинга качества оказания государственных услуг.

Демократические способы перераспределения субъектности в современном мире тесно связаны с техническими возможностями общества. Как пишут Ю. М. Почта и А. Г. Восканян, новейшие коммуникационные средства Интернета не могут заменить политические институты, но они могут усилить или, наоборот, ослабить их [53, с. 92]. Они отмечают необходимость формирования «гражданского Интернета», то есть Интернета, который должен стать серьезной площадкой интеграционных процессов как внутри общества, так и за его пределами, а не полем боя и пространством манипулирования [53, с. 92].

Электронные приемные президента, правительства, политических партий, интернет-приемные глав субъектов и региональных правительств позволяют осуществлять работу с обращениями граждан в удаленном режиме. Организация прямых линий с президентом, как форма перераспределения субъектности «снизу вверх», осуществляется благодаря технической оснащенности общества и нацелена на выявление дельта-результата.

На сайте «Госуслуги» (vsegosuslugi.ru) можно подать электронное заявление на внесение в список избирателей на удобном для избирателя участке для голосования на выборах. Проголосовать через Интернет возможно на праймериз партии «Единая Россия», которая проводит предварительное электронное голосование по отбору кандидатов в органы государственной власти и местного самоуправления на сайте epg.er.ru (<https://epg.er.ru>).

Российская общественная инициатива — интернет-проект, созданный в целях развития гражданского общества, — позволяет голосовать и подписывать петиции через Интернет. На сайте www.roi.ru зарегистрированные пользователи могут подписаться под той или иной инициативой, выступить в качестве инициаторов и выставить свои предложения на общественное голосование, ознакомиться с полным списком других петиций и инициатив и с их результатами.

Общественная палата Челябинской области занимается разработкой мобильного приложения для упрощения процедуры связи горожан

с чиновниками. Посредством приложения можно будет подать жалобу, обратиться с вопросом или предложением, а также получить информацию об общественных слушаниях, конкурсах и общественных мероприятиях. Отдельный блок в интерфейсе приложения будет отведен для предложений идей о развитии города.

Не менее важным для суверенного государства является привлечение как можно большего числа людей к определению концептуальной стратегической цели совместной деятельности людей, обеспечивающей существование общества как субстанциональной целостности. Сейчас политической властью нашей страны для этого созданы некоторые условия: действуют дискуссионные площадки и клубы для обеспечения диалога между экспертами, политиками, общественными деятелями и представителями СМИ, обсуждения актуальных проблем, прогнозирования общественных тенденций и процессов. Одним из таких дискуссионных клубов является Международный дискуссионный клуб «Валдай». За время его работы в нем приняли участие более 1000 представителей международного научного сообщества из 63 стран мира. Участниками конференций клуба были Д. Медведев, С. Собянин, С. Шойгу, С. Лавров, а также австрийские, итальянские, французские, израильские и другие политические деятели. С 2014 года клуб перешел от формата «рассказа миру о России» к работе по формированию глобальной повестки дня, квалифицированной и объективной оценке мировых социальных, политических и экономических проблем.

Сегодня в России разрабатывается множество долгосрочных федеральных и муниципальных концепций развития. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» установил правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации. На федеральном уровне это федеральные стратегии развития образования 2030, стратегия развития воспитания до 2025 года и т. д. С 2017 года Правительство России совместно с автономной некоммерческой организацией «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» включило стратегии

социально-экономического развития и планы мероприятий муниципальных образований в целевые модели упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации.

Данные стратегии ставят цели и задачи развития отдельных сфер общественного производства. Но общество нуждается в проекте будущего в виде единой цели совместной деятельности, обеспечивающей его субстанциональную целостность. В настоящее время, с нашей точки зрения, еще не найдены демократические формы организации работы по определению такой цели, предполагающие участие всех, кто желает. Это является важной задачей демократической политической власти. Тогда политическая власть будет восприниматься обществом как профессиональная деятельность в системе разделения труда, а значит, обладать его доверием.

Анализ уже существующих форм перераспределения субъектности в политических отношениях «снизу вверх» показал, что происходит увеличение деловых форм этого вида отношений. Это способствует снижению необходимости в протестных формах. Все вместе является свидетельством становления демократического типа политической власти в условиях суверенного государства. В условиях развивающейся демократии санкционированные митинги, демонстрации являются приемлемыми формами политического участия, но при дальнейшем развитии демократии необходимость протестных акций со временем, скорее всего, отпадет. Пока же некоторые нелегитимные формы политического участия порой используются политической оппозицией в личных целях. Например, социальные сети используются для организации несанкционированных митингов с участием несовершеннолетних.

Перераспределение субъектности «сверху вниз» осуществляется прежде всего путем законодательной деятельности политической власти по подготовке и принятию законопроектов, регулирующих отношения между субъектами. Например, Федеральный закон об Общественной палате РФ и Федеральный закон

о некоммерческих организациях являются важными нормативными основами гражданского общества России.

В нашей стране перераспределение субъектности «сверху вниз» происходит также посредством электронного правительства и определяется государственной программой «Информационное общество». В него входят: Единый портал государственных и муниципальных услуг, Единая система межведомственного электронного взаимодействия; национальная платформа распределенной обработки данных; единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме; Информационная система головного удостоверяющего центра.

Перераспределение субъектности «сверху вниз» начинает осуществляться преимущественно не через прямые приказы, а через мотивирующее воздействие на общество путем поощрения гражданской инициативы. На сегодняшний день действуют: «Национальная премия гражданская инициатива», господдержка общественных организаций, программы поощрения социально ответственной деятельности, конкурсы и гранты по социально значимым проектам.

В 2017 году был объявлен Всероссийский конкурс «Лидеры России», который стал теперь ежегодным. Это открытый конкурс для руководителей нового поколения, который позволяет выиграть образовательный грант, получить консультации руководителей крупнейших компаний, пройти комплексную оценку своих лидерских компетенций и попасть на программу развития кадрового управленческого резерва. По сути, данный проект и был задуман в первую очередь для развития кадрового управленческого потенциала страны и каналов отбора политической элиты. Многим аналитикам он напомнил комсомол, который в советское время считался резервом Коммунистической партии. Данный конкурс дает возможность молодым лидерам проявить себя

и поделиться опытом собственных проектов, которые можно было бы в перспективе реализовать на всю страну.

Дельта-результат в мире суверенных государств не скрывается от общества, а используется в качестве корректировки последующей деятельности политической власти. При этом происходит уточнение поставленных целей, корректировка используемых средств или других моментов деятельности при привлечении гражданского общества и экспертов. Чем активнее и эффективнее ведется работа с дельта-результатом, тем лучше работает механизм преемственности политического курса и исключается необходимость насильственной смены политической власти. На внешнеполитическом уровне постоянная своевременная работа политической власти с дельта-результатом снижает вероятность дестабилизации международной обстановки и вмешательства в дела суверенного национального государства со стороны других государств или иных субъектов международных отношений.

Становится все более очевидным, что развитие суверенного государства требует развития гражданского общества, необходимым условием которого является расширение гражданской инициативы и политического участия, возможное только при развитии демократических способов перераспределения субъектности в политических отношениях. Отсюда мы делаем вывод, что становление мира суверенных государств способствует становлению устойчивой политической власти демократического типа.

2.3 Качества субъекта демократической политической власти как профессионального политика

В 1997 году президент Эквадора Абдала Хайме Букарам Ортис был подвергнут импичменту с формулировкой «за умственную неспособность управлять страной». В истории многих стран есть политические лидеры,

не обладающие теми или иными необходимыми для осуществления политической власти качествами. В условиях наследственной монархии данная проблема решается непросто, но избрание политической власти в большинстве современных государств происходит путем выборов, поэтому для предотвращения подобных импичментов необходимо выделение качеств субъекта политической власти, на основании которых из претендентов возможен отбор соответствующего требованиям общества субъекта.

Р. Арон полагал, что политик не обязан быть экспертом в области, за которую несет ответственность, главное для него — общая культура и интеллект [12]. С нашей точки зрения, данные качества, конечно, важны, но их определенно недостаточно для профессионального политика.

«Современный профессионал должен видеть свою профессию во всей совокупности ее широких социальных связей, знать предъявляемые к ней и ее представителям требования, понимать содержание и специфику своей профессиональной деятельности, ориентироваться в круге профессиональных задач и быть готовым разрешать их в меняющихся социальных условиях» [240, с. 258], что особенно актуально для политика.

В истории социально-философской мысли есть немало исследований, касающихся качеств субъекта власти. На эту тему написаны работы Платона, Плутарха, Конфуция, Н. Макиавелли. Что касается современных исследований, то качества политика исследуются преимущественно в работах по политическому консалтингу, политической психологии («теория черт», «ситуационная теория»), теории лидерства. Можно назвать таких авторов, как Г. А. Авинцова, М. Г. Бернс, Н. В. Злобин, Р. А. Медведев, Г. Тард, М. Д. Херманн. Но в данных исследованиях в частности и в современных исследованиях в целом зачастую акцент сдвинут в сторону выявления психологических качеств претендента на власть, позволяющих ему одержать победу на выборах, а не на профессиональных качествах политика. С развитием СМИ и политической рекламы все большее значение приобретают фото- и телегеничность, внешняя привлекательность,

тембр голоса и темп речи, стиль одежды. В работах по политическому консалтингу даются практические рекомендации о том, как стать депутатом, что означает «выгодную продажу себя на политическом рынке» и раскрытие тайн «ремесла» (О. Березкина), а не обучение профессиональной деятельности.

Впервые рассматривает политическую власть как профессиональную деятельность, а субъекта власти как профессионала в своей области деятельности М. Вебер в работе «Политика как призвание и профессия». Он выделяет такие качества политика, как страсть, глазомер и чувство ответственности. Под страстью М. Вебер понимает полную самоотдачу делу, под глазомером — дистанцию по отношению к вещам и людям, чувство ответственности в его теории задает направление деятельности политика. Выделенные качества играют важную роль в деятельности политика, но с помощью социальной философии мы можем несколько осовременить и конкретизировать данную классификацию. Разработанная нами социально-философская концепция политической власти, выражающей целостность общественной жизни, согласованность общественной и индивидуальной сторон бытия человека, позволяет выделить следующие качества субъекта политической власти как профессионального демократического политика:

1. Сформированность ценностных оснований политической власти демократического типа.

Э. Шпрангер, описывая политический тип личности, определял политическую власть как «способность, а также стремление делать собственную ценностную направленность ведущим мотивом других людей». Цель политической власти определяется ценностями субъекта политической власти, поэтому для политика демократического типа важно:

- Стремление работать в интересах общества как субстанциональной целостности, в основании которой лежат согласованные интересы индивидов, общества и государства.

- Стремление и способность к определению целей совместной деятельности, обеспечивающей существование и развитие общества как субстанциональной целостности. Такие цели могут быть только стратегическими, то есть долгосрочными и формируемыми в условиях большой степени неопределенности. Большая степень неопределенности является характеристикой нашего времени. У. Бек в работе «Общество риска» пишет, что общественное производство в современных странах сопровождается постоянным «производством рисков» [29, с. 11]. Он отмечает, что риски — последствия развития технологий, которые будут только нарастать по мере развития технологического оснащения общества, ослабляя процессы его политической организации.

Ж. Бодрийяр, Н. Мойзес, З. Бауман [26—28] также обращают внимание на эту проблему. Ж. Бодрийяр [39; 40] пишет, что политическое стратегической направленности угасает, а Н. Мойзес [132] отмечает, что чем сильнее это угасание, тем эфемернее власть политиков и тем чаще они руководствуются в процессе принятия политических решений сиюминутными стимулами и страхами, что негативно сказывается на планировании будущего развития общества. Это создает в обществе дефицит стратегии будущего и запрос со стороны общества на ее разработку.

- Стремление и способность к организации демократических форм перераспределения субъектности в политических отношениях как «снизу вверх», так и «сверху вниз».

- Стремление к дистанцированности как равноудаленности как от индивидуальных, так и от коллективных субъектов и признание равноценности всех частей общественной целостности.

2. Умение работать с дельта-результатом. Об эффективности политической власти следует судить по ее работе с дельта-результатом. Варианты работы политика с дельта-результатом могут быть следующими: а) политик умеет определять и устранять дельта-результат или минимизировать его негативное

влияние на свою последующую деятельность; б) политик не умеет определять дельта-результат и работать с его последствиями, но посредством перераспределения субъектности «сверху вниз» делегирует эту работу экспертам и (или) гражданскому обществу; в) политик сознательно игнорирует наличие дельта-результата в своей деятельности и использует его негативный потенциал в целях дестабилизации общественно-политической ситуации. Этот вариант работы с дельта-результатом характерен для общества однополярного мира, а первые два — для мира суверенных национальных государств.

3. Владение политически значимыми знаниями. Политически значимые знания включают теоретические знания о фактической политической обстановке и практические знания об оптимальных способах и средствах воздействия на нее, знания о ценностях. Профессиональный политик должен обладать знаниями о политической системе, политических отношениях и институтах, о механизмах и способах перераспределения субъектности «сверху вниз» и «снизу вверх» на всех уровнях власти, знаниями о дельта-результате и знаниями способов работы с дельта-результатом. Знание демократических ценностей: гласность, плюрализм, верховенство права, гражданское участие — приводит к реализации субъектом власти ненасильственных форм перераспределения субъектности. Политически значимые знания политика и гражданина не должны иметь кардинальных отличий.

4. Политическая лингвистическая культура как использование политического языка, для которого характерны отсутствие манипулятивной семантики и манипулятивных технологий, мирная риторика.

В работе «Наставления о государственных делах» Плутарх писал: «Так пусть и в слове государственного мужа, вождя и советчика обнаруживается не мастерство и хитросплетения и в похвалу ему не ставится “умело”, или “искусно”, или “тонко”, а пусть будет слово это выказывать нрав откровенный, подлинное благородство, отеческую прямоту и заботливость, а украшение его и прелесть составят понятия священные и мысли, всем доступные

и убедительные» [158, с. 74]. Язык политика должен быть доступен для понимания, речь — аргументированной и информативной. Часто политики, стремясь оказать эмоциональное воздействие на аудиторию, намеренно используют лексемы, которые впоследствии свободно интерпретируются избирателями в соответствии с их ценностями, знаниями и жизненным опытом. Например, в теории такой компонент политического языка, как политический слоган, должен в краткой форме отражать основное содержание избирательной кампании, то есть быть рациональным или хотя бы эмоционально-рациональным. На практике же политики злоупотребляют энергичностью политического языка, используются такие политические слоганы, как: Change! (Перемены!) (Б. Обама) или Make America Great Again (Сделаем Америку вновь великой!) (Д. Трамп). При этом мало уделяется либо совсем не расшифровывается содержание таких понятий, как «изменение» и «величие», что позволяет избирателям наполнять их собственным субъективным содержанием.

Во многом на современный политический язык повлияло телевидение, вынудив сократить речи политиков. В первые годы появления телевидения политические выступления длились по полчаса, потом их стали укорачивать до 20 минут, а затем и вовсе заменять 60-секундными рекламными роликами. Во время сегодняшних президентских дебатов кандидатам дается от минуты до пяти минут на то, чтобы изложить свое мнение по конкретному вопросу. Новостные репортажи о политических речах сжались, чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым к телевизионному визуальному ряду. Спичрайтеры сконцентрировались на написании 5—10-секундных эффектных фраз. Такой акцент на длине речи, естественно, негативно сказался на качестве, а, следовательно, и на качестве публичных дискуссий по важным политическим темам.

Обладать перечисленными качествами может, например, философ. Историческими примерами философов на троне являются император Рима

философ-стоик Марк Аврелий и Сарвепалли Радхакришнан — философ, президент Индии с 1962 по 1967 год.

Современному правителю для формирования перечисленных качеств необходимо углубленное социально-гуманитарное образование с опорой на философскую составляющую. Такое образование позволяет осуществлять анализ любой теоретической или практической проблемы, провести комплексное социальное прогнозирование, задать мировоззренческие ориентиры и направление развития. Философская экспертиза позволяет увидеть базис общественных проблем и найти, таким образом, новый эффективный путь их решения. Открытость, как дисциплинарное требование философии, позволяет специалистам с хорошей подготовкой в области философии быть восприимчивыми к различным дискурсам общественной жизни и осуществлять их интеграцию, воспринимать социум во всей полноте и разнообразии, что невозможно при узкой специализации.

Р. Х. Лукманова выделяет одной из главных характеристик демократического политического режима выявление не только внешнеполитических, но и внутривнутриполитических манипуляций и противодействие им, что предполагает повышение уровня критичности мышления [115, с. 44]. Одним из факторов его повышения она считает владение философским знанием, которое предоставляет «возможности выбора метода мысли и действия без склонения к одному из них», что повышает антиманипулятивный барометр субъекта политической власти [115, с. 46].

Зачастую философия воспринимается людьми как нечто очень далекое от политики и реальной действительности, устаревшее, малопонятное и непрактичное. Проблема значимости и необходимости занятий философией в наши сверхпрагматичные времена еще актуальнее, чем прежде. Е. Борисов, И. Инишев, В. Фурс разработали концепцию перформативности философской теории, в основе которой — тезис об имманентной практизации философии [44]. Практический поворот философии, с их точки зрения, — это не столько

обращение философии к внешним для нее «практическим проблемам» (личным, семейным, экологическим, политическим, гуманитарным и т. п.), сколько такая трансформация традиционного концептуального ядра философии, благодаря которой преобразенная философия сама предстает не только как слово, но и как дело. Перформативность современной философии заключается в ее способности, возделывая свои новые тематические поля, генерировать нетривиальное и практически релевантное знание и ее способность, преодолевая традиционные институциональные формы и дисциплинарные рамки бытования философии, по-новому позиционировать за пределами академической сферы [44, с. 208].

В учении Платона идеальным правителем является философ. Он писал, что «пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино — государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди — а их много, — которые ныне стремятся порознь либо к власти, либо к философии, до тех пор государствам не избавиться от зол» [155, с. 170—171]. С нашей точки зрения, это представление актуально и в современных реалиях, в том смысле, что политику необходимо углубленное социально-гуманитарное образование с опорой на философскую составляющую.

Современные демократические государства стараются выстраивать систему управления на принципах меритократии, когда руководящие должности должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения или финансового статуса. Но для этого необходимо выработать критерии способности, что мы и сделали в данном параграфе, выделив качества субъекта демократической политической власти как профессионального политика.

Вместе с тем мы считаем важным внести следующее уточнение: профессиональная подготовка субъектов политической власти может увести политическую систему от представительности. В современном мире

демократизация, как и глобализация, идет двумя путями. Основной формой демократизации стала представительная власть. Выделяют следующие виды представительства: классовое, профессиональное, территориальное и т. д. Представительство сталкивается с проблемой профессионализма. Власть, основанная на профессионализме, может перерасти, например, в клановую систему, когда у власти находятся представители одних и тех же семей, имеющих широкий доступ к различным ресурсам (финансовым, образовательным и т. д.), которые обеспечивают им вхождение во власть и ее удержание. При такой закрытой политической системе не обеспечивается представительство различных слоев, групп общества. Это власть меньшинства, которая реализуется в интересах «глубинного государства». Для стабильной же демократизации мира требуется профессионализм, который обеспечит общее благо. Такой профессионализм не отменяет представительства, и качества субъекта политической власти, выделенные нами, как раз способствуют формированию такого представительства.

2.4 Качества субъекта демократической политической власти как гражданина

Семен Франк писал, что властвование «есть отношение двустороннее: не один властвующий, но властвующий и подчиненный совместно входят в отношения властвования и активно его строят» [205, с. 138]. Таким подчиненным в условиях современной демократической политической власти является гражданин как активный субъект гражданского общества.

Гражданское общество сегодня противопоставляется государству и определяется исследователями как «все то, что не государство». Такое сведение гражданского общества к совокупности неправительственных организаций, а выделение в качестве конституирующего признака «независимость от государства» есть выражение либерального взгляда на мир. По мнению таких

авторов, как Н. Баранов, А. Лафер, Р. Саква, гражданское общество — это нахождение социальности, которая не попадала бы под тотальное огосударствление. Подобные определения гражданского общества как антигосударства создает иллюзию их взаимоисключения и оторванности друг от друга. Но государство и гражданское общество зависят друг от друга и дополняют друг друга в диалектическом единстве: без зрелого гражданского общества не построить современное правовое демократическое государство, которое, в свою очередь, является условием развития и функционирования гражданского общества и целостности общественной жизни. Это не хаотичное образование, а, по выражению С. Франка, «общественная связь», изнутри соединяющая отдельные элементы в единое целое. Гражданское общество формируется не стихийно, оно постепенно вырастает из развития чувства социальной и политической ответственности, активного стремления граждан брать в свои руки решение общественных проблем, не перекладывая их на государство. Для развития и укрепления гражданского общества, когда структуры самоуправления строятся не по принципу расширения функций государства и не в ответ на сиюминутные вызовы («союз обманутых вкладчиков» в 1990-е годы), необходимо, чтобы гражданин обладал определенными качествами.

Аристотель первым сформулировал, что такое гражданство и кто такие граждане. Для него быть гражданином значило участвовать в делах управления полисом, и к ним относились в то время только взрослые свободные мужчины.

А. С. Макаренко в работе «Воспитание гражданина» выделяет такие его качества: гражданственность, как основа целостной личности, квалифицированность, политическая и экономическая грамотность, образованность, общая культура, социальная ответственность, умение работать в коллективе, дисциплинированность, оптимизм [120].

Современные исследователи В. Л. Абушенко, А. С. Гаязов, Б. С. Гершунский, С. Б. Савелова выделяют множество различных гражданских

качеств — от чувства долга перед страной, обществом и семьей и ответственности за судьбу государства до бережного отношения к окружающей природе.

Разработанная нами социально-философская концепция политической власти, выражающей целостность общественной жизни и согласованность социальной и индивидуальной сторон бытия человека, позволяет выделить следующие качества гражданина:

1. Сформированность ценностных оснований гражданина, выражающихся в следующем:

- Стремление сочетать собственные интересы с интересами общества и государства в процессе участия в общественной жизни.

Гражданство — это отношения, связывающие человека и государство. В политико-философской концепции гражданин — это обладатель реальных способностей осуществлять некие действия, которые в данном обществе служат «общему благу» [90, с. 34]. Сегодня, в условиях общества потребления, целью человеческой жизни является достижение прежде всего личной выгоды. «Складывается образ социального типа законченного индивидуалиста», который «воспринимает окружающую среду, людей, друзей, девушек только как субстанцию, существующую исключительно для удовлетворения его растущих, преимущественно гедонистических запросов» [169, с. 1217—1218]. На превалирование ценностей «рыночного характера» в современном обществе и «дисбаланс между представлениями людей об индивидуальных и общественных благах» указывают так же С. М. Поздняева [159] и Ф. С. Файзуллин [199].

В работе «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше предсказал этот вариант будущего, назвав его «религией комфорта последних людей», которая на сегодняшний день находит выражение в явлении политического консюмеризма. Нарастающая коммерциализация всех сфер общественной жизни превращает политическую власть в товар, а гражданина — в политического потребителя. Потребительски мотивированное политическое поведение ведет

к отношению к политике как к такой сфере, в которой производятся товары и услуги — пусть и несколько специфические, но все же подлежащие примерно такому же обмену, как и на коммерческих рынках, что приводит к появлению кандидатов в кандидаты в президенты тех, для которых «игра в политику» благоприятствует продвижению собственных бизнес-проектов. Целевая аудитория таких кандидатов тоже в долгу не остается — она рассматривает оказание им поддержки как возможность получения последующей личной выгоды от их избрания. Гражданское участие все больше ассоциируется с прагматическим обменом, превращая, таким образом, гражданское общество в сообщество потребителей, что ведет к формированию частно-ориентировочной целостности общественной жизни.

Эволюция политического субъекта в условиях складывания демократического типа политической власти должна идти в сторону развития гражданственности и снижения политического потребительства. Стремление к достижению сиюминутной выгоды, концентрированность исключительно на собственных проблемах характерны для политического эгоизма. Он приводит к нарастанию в них чувств опасности и одиночества, разобщенности и расколу общества. Как пишет П. Бьюкенен, сегодня в мире возникла новая мораль, оправдывающая жизнь для себя, лозунг которой «Занимайся собой!» [47]. Позиция индивидуализма, выраженная в соответствующих изменениях ценностных ориентаций, устраняет политическую активность, вытесняет политический дискурс из сознания человека. Апатия и пассивность общества создают опасность перерождения демократии в свою противоположность — деспотизм. Именно в атомизации индивидов, их отчужденности друг от друга и от публичной сферы бытия Х. Арндт видела истоки тоталитаризма. Задолго до нее к тому же выводу пришел А. де Токвиль: «Я стремлюсь увидеть новые обличья, под которыми может появиться в мире деспотизм. Первое, что поражает наблюдателя, — это неисчислимое множество людей, равных и одинаковых, неустанно стремящихся к мелким суетным удовольствиям, которыми они

перенасыщают свою жизнь. Каждый из них, живя отдельно от других, чужд судьбе всех остальных, человечество в целом представляют для него его дети и личные друзья. Что же до его сограждан, он рядом с ними, но он их не видит, он касается их, но их не ощущает, он существует лишь в себе и для себя одного, и пусть у него и существует родство, страну он, можно сказать, утратил» [189].

Ряд авторов полагают, что современной политической власти нужен аполитичный человек. Ее усилия направляются на создание вещно-ориентированного человека и частно-ориентировочной целостности общественной жизни. Человеку постоянное потребление заменяет внутренний мир, осуществляет сублимацию гражданской активности и нивелирует побуждения к участию в общественной жизни. При этом консюмерист не осознает манипулятивного воздействия и ощущает себя свободным и независимым. Но его свобода связана не с правом участия в решении важных общественно-политических проблем, а сводится к праву воздержаться от участия в них. Политическая власть любого, в том числе и недемократического типа, заинтересована в общественной поддержке, но ей вполне достаточно и ухода масс из политики, который сопряжен не с поддержкой, но хотя бы с отсутствием протестных форм перераспределения субъектности. Такой аполитичный, потребительски ориентированный эскапизм индивида означает молчаливое согласие с текущим положением вещей, установленным политической властью, действия которой направлены на установление частно-ориентировочной целостности общественной жизни. На фоне эскапизма большинства голос недовольного меньшинства просто не слышен. Такой позиции придерживаются А. Н. Ильин, Л. Науменко, А. Табачков, А. Тарасов. Другие исследователи, такие как Ж. Бодрийяр, Р. Даль, Х. Ортега-и-Гассет, напротив, отмечают, что современной политической власти необходим активный политический субъект. В статье «Трансформация духовных ценностей: вопросы теории и практики» А. Р. Янгузин отмечает, что когда в тот или иной исторический период какие-либо из общезначимых ценностей перестают быть значимыми в ущерб ценностям

индивидуализма, необходимо вмешательство государства или общественных организаций — неотъемлемых составляющих развитого гражданского общества и демократии [258, с. 88]. Если этого вмешательства не произойдет, то индивида «всю жизнь будут сопровождать пессимизм и чувство растерянности, неверие в общество, государственную власть и в самого себя» [258, с. 89].

- Стремление и способность к пониманию целей совместной деятельности и стремление к внесению своего вклада в их формулирование и корректировку.

Как пишет Д. А. Силичев, «под влиянием гражданского общества происходят существенные изменения в государстве, демократии и экономике. Гражданское общество становится более автономным, гибким, креативным, инновационным, интерактивным, прозрачным. Самоорганизация и самоуправление, которые составляют саму суть гражданского общества, приобретают все большее значение, наполняются новым реальным содержанием» [182, с. 17].

Суть гражданского общества заключается в подключении к процессу формулирования целей общественного развития большого числа людей. Только на основе стремления и способности к пониманию целей совместной деятельности и стремления к внесению своего вклада в их формулирование формируются активная гражданская позиция и чувство политической общности. Активная гражданская позиция невозможна без патриотизма. За последние годы в нашей стране были предприняты усилия государства по укреплению и развитию системы патриотического воспитания граждан. Сегодня действует государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», в рамках которой работают более 22 000 патриотических объединений, клубов и центров, в том числе детских и молодежных; ведется научно-исследовательское и научно-методическое сопровождение патриотического воспитания граждан; совершенствуются формы и методы работы по патриотическому воспитанию; развивается практика шефства воинских частей над образовательными организациями, волонтерское движение

и информационное обеспечение патриотического воспитания граждан. Патриотизм следует отличать от таких деструктивных форм национальных чувств, как шовинизм и ксенофобия. Сегодня во многих странах они приводят к «войне с прошлым»: переписыванию истории страны, сносу памятников (Украина, США), запрету классических художественных фильмов («Унесенные ветром» в США).

- Стремление и способность к участию в демократических формах перераспределения субъектности в политических отношениях «снизу вверх».

3. Бауман констатирует в современном обществе кризис гражданственности. Его истоки он видит в недооценке потенциала политических акций, которая проистекает из ощущения, что в обществе отсутствуют механизмы обеспечения эффективных коллективных действий [26, с. 19]. Это проявляется в уклонении от участия в перераспределении субъектности, пассивном политическом поведении или даже политическом нигилизме. Между тем становление и поддержание демократического типа политической власти требует участия граждан в выборах всех уровней политической власти, внесения ими гражданских инициатив, участия в гражданских комиссиях, форумах и клубах, общественном самоуправлении, свободного и равного доступа при необходимости к техническим средствам связи с политической властью. Морис Баррес цинично формулировал основание социального порядка на осознании народом своего бессилия. С нашей точки зрения, основания современного демократического порядка — это осознание гражданами необходимости своего активного участия в политической жизни в целях обеспечения субстанциональной целостности общества. С нашей точки зрения, сегодня отношение гражданина РФ к проведению СВО — это «лакмусовая бумага» на понимание значимости субстанциональной целостности общества. Яркий пример тут — волонтерское движение, слоганами которого являются «Мы вместе» и «Своих не бросаем».

2. Умение видеть дельта-результат и сообщать о нем политической власти.

Определение дельта-результата должно входить в компетенцию не только профессионального политика и привлекаемых им экспертов, но и граждан. Если судить о работе политической власти можно на основании того, как она работает с дельта-результатом, то судить о гражданской ответственности гражданина можно на основании того, как он сообщает политической власти о наличии дельта-результата в ее работе. Информирование политической власти о дельта-результате должно соответствовать тому уровню власти, в работе которого наблюдается дельта-результат, то есть о дельта-результате в работе местного уровня власти следует информировать сначала местную власть. В случае если со стороны этого уровня политической власти не последовало реакции на сообщение, необходимо известить об этом вышестоящий уровень власти.

3. Владение политически значимыми знаниями.

В работе «Метаморфозы власти» Э. Тоффлер описал процесс смещения власти от силы и богатства в сторону знания. Он предсказал, что в будущем именно знания будут самым эффективным источником власти и определил суть будущей битвы за власть как контроль за знаниями [191]. Без сомнения, политическая субъектность сегодня перераспределяется как «сверху вниз», так и «снизу вверх», и скорость и эффективность перераспределений зависят от знаний, которыми обладают граждане. К необходимым для гражданина знаниям относятся знание Конституции, способов и механизмов политического участия, механизмов работы органов государственной власти разных уровней и их представителей.

Политически значимые знания необходимы для воспитания гражданственности, когда человек знает свои права и обязанности, способен их осуществлять и адекватно оценивать. Знания о легитимных способах перераспределения субъектности и понимание их необходимости позволят снизить уровень абсентеизма в обществе, предотвратить реализацию насильственных форм ее перераспределения, повысить эффективность перераспределения субъектности «снизу вверх», снизить частоту протестных

форм политического поведения. Современная политическая оппозиция провоцирует людей на участие в нелегитимных способах политического участия, используя их политическую безграмотность в личных целях. Систематическое разъяснение политически значимых знаний в школах, университетах и на рабочих местах является необходимым условием повышения политической грамотности населения. Во времена СССР практиковались политзанятия. Их цель состояла в объяснении, например, общественного устройства, в котором есть базис и надстройка, эксплуататоры и эксплуатируемые, антагонистические противоречия, производительные силы и производственные отношения и т. д. Сейчас обществу необходимо объяснять, какие формы политического поведения являются законными, почему необходимо принимать участие в выборах, какими правами и обязанности обладают граждане по отношению к государству и т. п. Й. Шумпетер писал: «Если мы исходим из того, что воля граждан сама по себе — политический фактор, требующий уважения, то в таком случае эта воля должна прежде всего существовать. То есть она должна быть чем-то большим, чем неопределенным набором неких импульсов, возникающих на почве заданных лозунгов и неправильных впечатлений. Каждый должен в таком случае знать, каких взглядов он придерживается» [252].

К политически значимым знаниям в современном обществе также относятся знания отечественной и мировой истории. В условиях, когда некоторыми государствами история переписывается, «власть стремится создать человека, не обремененного прошлым, обладающего такой “памятью”, которая создается усилиями идеологов и систематически внедряется в сознание народных масс через книги, учебники, средства массовой информации. Эта культивируемая память призвана подавить память индивидуальную, сделать ее бледным призраком на фоне великих подвигов и героев. На самом деле это культивирование национального беспамятства» [62, с. 231].

Важную роль в популяризации политически важных знаний играют средства массовой информации, поэтому важно, чтобы распространяемые ими

политические знания были достоверными и непротиворечивыми. С распространением и развитием Интернета роль агентов распространения политически важных знаний стали брать на себя политические блогеры. В сети насчитывается более двух тысяч политических блогов, авторами которых являются политологи, журналисты, политики и т. д. В настоящее время в молодежной среде набирает популярность такой формат распространения политически важных знаний, как видеоблогинг. Целевая аудитория известных видеоблогеров колеблется от тысячи до шестисот тысяч человек.

4. Политическая лингвистическая культура как избирательный подход к собственному политическому языку.

Как пишет В. Д. Губин, человек формируется в определенном дискурсе, и, даже если он не признает действующую политическую власть, тем не менее вынужден говорить с ней на одном языке [64, с. 256].

Политическая лингвистическая культура предполагает:

- Знание определений основных политических понятий: мир, свобода, справедливость, демократия и т. д. Это снизит возможности их популистского искажения и манипулятивное воздействие на общество.
- Воздержание от использования в устной и письменной публичной речи политических жаргонизмов и сленга.

Исследователь российского политического языка Г. Гусейнов описывает его как грубый, площадной, похабный, содержащий много брани, ругательств и сексизма. Современный словарь политического сленга включает в себя такие слова, как «гейропа», «рашка», «ЕдРос», «либераст», «кремлядь». Их применение свидетельствует о стремлении создать патетически-насмешливое отношение к политической власти, низкой политической культуре и снижает этические и эстетические характеристики политической речи.

- Критический анализ политического текста. Стремясь произвести воздействие на аудиторию, авторы политических текстов зачастую используют такие его типы, как «агрессивный», «эпатажный» или «энергичный» [171, с. 8].

Их критический анализ предполагает анализ аргументации, контекста, используемых языковых средств, понятий и помогает определить ценностные ориентации и цели автора текста.

5. Высокий уровень образованности.

Значение образования для современного общества сложно переоценить. Воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности гражданина невозможно без высокого уровня образованности. Образованность человека определяется как ведущая ценность в решении многих проблем современного национального и глобального общественного развития. При этом выделяются два противоположных подхода к современному образованию: с одной стороны, это гуманитаризация образования, с другой — утилитарный подход к нему. Утилитарный подход к высшему образованию основывается на расчетах, согласно которым оно необходимо лишь 35 % трудящихся, для остальных 65 % оно вовсе необязательно. При таком подходе развитие высшего образования направлено на практическую и прикладную составляющие, когда его могут получить не все желающие, осознающие необходимость в нем для себя, а только определенное количество людей, в котором нуждается экономика страны. Сегодня сокращается количество бюджетных мест на гуманитарных специальностях в вузах в пользу технических. Политика технического образования в современную эпоху постоянно развивающихся технологий, конечно, необходима. Но она не должна осуществляться в ущерб всестороннему развитию личности. Дегуманизация образования чревата падением элементарной грамотности населения, утратой значительной частью молодых людей навыков понимания большого объема письменного текста, развитием фрагментарности мышления, неспособностью рассматривать происходящие события в историческом контексте, оскудением языка и т. д. Роль гуманитарных наук в современном обществе возрастает, поскольку без них нельзя решить все глобальные проблемы, которые встали перед нашей цивилизацией сейчас.

Современный человек должен уметь адаптироваться в быстро меняющемся мире. Для того чтобы вносить свой вклад в формулирование и корректировку целей развития общества, участвовать в демократических формах перераспределения субъектности, интегрироваться в различные коллективные субъекты, владеть политически значимыми знаниями и высоким уровнем лингвистической культуры, гражданину необходим высокий уровень образованности.

Фашистские и нацистские формы тоталитаризма пришли к власти в ходе процесса выборов, формально соответствующих демократическим нормам. Выбрали и поддержали эту политическую власть граждане. Чтобы предотвратить опасность посягательств на демократические свободы со стороны субъектов политической власти, необходимо воспитать гражданина демократического типа, который был бы сознательным и активным субъектом политических отношений. Для этого необходимо выявить качества субъекта политической власти как гражданина, что мы и сделали в данном параграфе.

Итак, в современном мире конкурируют две тенденции мирового развития: тенденция к становлению мира суверенных государств и тенденция к становлению однополярного мира. Становление однополярного мира приводит к возникновению и укреплению политической власти недемократического типа, а становление мира суверенных государств способствует становлению устойчивой политической власти демократического типа. Субъект демократической власти как профессиональный политик должен отличаться сформированностью ценностных оснований, умением работать с дельта-результатом, владеть политически значимыми знаниями, использовать политический язык, для которого характерны отсутствие манипулятивной семантики и манипулятивных технологий, мирная риторика, плюрализм мнений, и иметь философское образование. Субъект демократической политической власти как гражданин также должен отличаться сформированностью определенных ценностных оснований своей деятельности, умением определять

дельта-результат и информировать о нем политическую власть, владеть политически значимыми знаниями, обладать высоким уровнем лингвистической культуры и высоким уровнем образованности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования решены все поставленные перед нами задачи:

1. Установлено, что конечной целью политической власти могут быть две формы целостности общественной жизни: субстанциональная и частно-ориентированная.

2. Дано определение понятия «субстанциональная целостность общественной жизни».

3. Выявлены существенные качества форм власти человека и перспективы ее развития, определяемые как его волей, так и закономерностями организации целенаправленной деятельности как культурно-опосредованного отношения, задающего форму предметного развертывания воли.

4. Установлены возможные основные формы власти в отношениях между людьми, определяемые особенностями совместной деятельности людей и конкуренцией их воли.

5. Даны определения понятий «политическая власть» и «политическая субъектность». Обосновано, что политическую власть можно отнести к профессиональной деятельности, являющейся элементом вертикального разделения труда, предполагающего субординационные связи.

6. Определены общие характеристики деятельности субъекта политической власти: ее цели, предмет, культурные средства, способы определения ее результативности и эффективности.

7. Выявлены объективные основания дифференциации политической власти на демократический и недемократический типы.

8. Обосновано, что в современном мире демократический тип политической власти находится в становлении. Определено главное условие развития форм получения и осуществления политической власти демократического типа.

9. Обосновано, что становление однополярного мира приводит к возникновению и укреплению политической власти недемократического типа, а становление мира суверенных государств способствует становлению устойчивой политической власти демократического типа и соответствующих этим типам форм получения и осуществления политической власти.

10. Определены существенные качества субъекта политической власти демократического типа как профессионального политика и как гражданина.

ВЫВОДЫ

1. В обществе политическая власть выполняет общественную организационно-управленческую функцию, которая заключается в обеспечении его определенной целостности, которая существует в двух основных формах: субстанциональной и частно-ориентированной. Субстанциональная целостность общества представляет собой полноту условий существования конкретно-исторического человека, а также воспроизводства и расширенного воспроизводства человеческого рода, создаваемую наличием базовых сфер общественного производства и оптимальных форм их взаимодействия, необходимых для саморазвития, самосохранения и самодостаточности общества в целом. Частно-ориентированная целостность общества складывается по отношению к целям отдельных сфер общественного производства, или целям отдельных социальных институтов, или целям отдельных групп людей. Она зачастую создает угрозу разрушения субстанциональной целостности общественной жизни.

2. Реализация общественной функции политической власти может входить в противоречие с индивидуальной стороной бытия ее носителей. Его разрешение связывается нами с пониманием власти как проявления воли индивида в его отношениях с действительностью, которое осуществляется как свободное развертывание, самореализация «Я» посредством целенаправленной деятельности. Способность к целенаправленной деятельности, которая не является врожденной, а возникает и развивается в результате освоения индивидами общественного опыта в отношениях с другими людьми, и возможность такой целенаправленной деятельности рассматриваются нами как субъектность. Субъектность человека как способность должна развиваться, как возможность — может делегироваться кем-то кому-то или присваиваться самим субъектом.

3. К основным типам власти как таковой, определяемым особенностями совместной деятельности людей и конкуренцией их волей, относятся:

- власть как отношение господства воли одних людей над волей других, в котором подвластные являются средством реализации целей субъектов власти;
- власть как профессиональная деятельность, являющаяся элементом вертикального разделения труда, которое предполагает субординационные связи и заключается в управлении совместной деятельностью людей через распределение и перераспределение коллективной субъектности как способности и возможности реализации общей цели совместной деятельности.

4. По характеру субординации между властным субъектом и подвластными власть делится на власть «сверху вниз» и власть «снизу вверх». Формы власти «снизу вверх» делятся на протестные и деловые, формы власти «сверху вниз» — на насильственные и ненасильственные.

5. Политическая власть как профессиональная деятельность является элементом вертикального разделения труда в совместной деятельности людей, общая цель которой заключается в обеспечении устойчивого функционирования и развития общества как целого. Способность и возможность осуществления такой власти — политическая субъектность.

6. Функциональная определенность политической власти как профессиональной деятельности в системе вертикального разделения труда задает общие характеристики ее цели и содержания, ее субъекта, предмета, продукта и средств. Степень результативности и эффективности политической власти определяется дельта-результатом.

7. Основанием выделения демократического и недемократического типов политической власти является ценностная направленность деятельности политиков, которая отражает общий характер цели совместной деятельности людей, организацию и управление которой обеспечивает политическая власть. Цель может выражать: 1) интересы общества как субстанционального целого; 2) интересы отдельных сообществ; 3) индивидуальные интересы субъектов

власти. Демократический тип власти возникает только при наличии первой ценностной направленности и находится сегодня в становлении.

8. Становление однополярного мира приводит к возникновению и укреплению политической власти недемократического типа и соответствующих ему форм получения и осуществления политической власти. Становление мира суверенных государств, в основании которого лежит стремление политиков к субстанциональной целостности общества, способствует развитию устойчивой политической власти демократического типа и соответствующих этому типу форм получения и осуществления политической власти.

9. Субъект политической власти демократического типа как профессиональный политик должен быть готов к организации соответствующих этому типу форм получения и осуществления политической власти и отличаться следующим:

1) Сформированность ценностных оснований политической власти демократического типа, выражающихся в следующем:

- стремление работать в интересах общества как субстанциональной целостности, в основании которой лежат согласованные интересы индивидов, общества и государства;
- стремление и способность к определению целей совместной деятельности, обеспечивающей существование и развитие общества как субстанциональной целостности;
- стремление и способность к организации демократических форм перераспределения субъектности в политических отношениях как «снизу вверх», так и «сверху вниз»;
- стремление к дистанцированности как равноудаленности как от индивидуальных, так и от коллективных субъектов и признание равноценности всех частей общественной целостности.

2) Умение работать с дельта-результатом.

3) Владение политически значимыми знаниями.

4) Использование политического языка, для которого характерны отсутствие манипулятивной семантики и манипулятивных технологий, мирная риторика, плюрализм мнений.

5) Наличие гуманитарного образования с опорой на философскую составляющую.

Субъект политической власти демократического типа как гражданин должен быть готов к организации соответствующих этому типу форм получения и осуществления политической власти и обладать следующими качествами:

1. Сформированность ценностных оснований гражданина, выражающихся в следующем:

- стремление сочетать собственные интересы с интересами общества и государства в процессе участия в общественной жизни;
- стремление и способность к пониманию целей совместной деятельности и стремление к внесению своего вклада в их формулирование и корректировку;
- стремление и способность к участию в демократических формах перераспределения субъектности в политических отношениях «снизу вверх»;
- стремление интегрироваться в различные коллективные субъекты гражданского общества.

2. Умение видеть дельта-результат и сообщать о нем политической власти.

3. Владение политически значимыми знаниями.

4. Сформированность политической лингвистической культуры.

5. Высокий уровень образованности.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Выявленные особенности политической власти в современном мире позволяют сформулировать рекомендации по повышению качества политической власти и развитию демократических форм перераспределения субъектности во властных отношениях:

1. Привлечение специалистов с философским образованием к разработке общей стратегии развития страны и решению общественных проблем.

Философы в разное время были учителями или консультантами правителей. Платон пытался философски воспитать сиракузского тирана Дионисия Старшего, но в результате придворных интриг был продан им в рабство, Аристотель был учителем Александра Македонского, Н. Макиавелли — консультантом Лоренсо Медичи. В наши дни вопрос о взаимодействии философов и политической власти не теряет своей актуальности, поскольку процесс свободного «конструирования» идей общественного переустройства не остается без последствий, он выходит за рамки абстрактных представлений и индивидуального мышления. Как писала Х. Арндт, «философы не умеют замечать разницы между собственным вольным, уединенным мышлением и реальной жизнью, или, что, наверное, точнее, реальную жизнь подгоняют под свою мысль, — как говорил Аристотель, стремятся “играть роль царей в мире политики”» [8, с. 201]. В результате «...Платон и Хайдеггер, когда они ввязываются в человеческие дела, ищут убежища у тиранов и фюреров» [6, с. 204]. С ее точки зрения, философу желательно смириться с тем, что его представления о мире значительно отличаются от реального мира, заполненного живыми людьми, а не идеями.

Если Х. Арндт пишет о нежелательности выхода философа в мир повседневности, то с точки зрения А. Ф. Лосева философ не может удержать себя от такого вступления, поэтому трагичность существования ему обеспечена, понимает он это или нет, вследствие неизбежно возникающего противоречия между чистотой идеальных конструкций и объективной реальностью.

На опасность взаимодействия философов и власти и, как следствие, превращения философии в идеологию указывают А. Ф. Филиппов и В. С. Степин. С точки зрения А. Ф. Филиппова, «личное отношение властвующего и подвластного — это взаимное признание возможности вины, и асимметрия этого отношения особенно хорошо видна тогда, когда максимальная возможность действия сопрягается с минимальной готовностью признавать свою вину, причем вина приписывается именно тому, кто в наименьшей мере мог действовать своевольно» [202]. Таким образом, вступив во взаимодействие с властью, философ либо разделит с ней коллективную ответственность в случае неудачной реализации проекта, либо будет объявлен единственным виновником неуспеха, а, как показывает историческая практика, последний вариант развития реализовывался чаще всего. В. С. Степин отмечал, что ситуация, когда власть благоволит к философам, «приближает их ко двору», особенно если это авторитарная власть, для философии всегда чревата опасностью, потому что она устанавливает контроль над философской мыслью и преобразует философию в идеологию, сужая ее творческий потенциал. И, парадоксальным образом, если та же власть обвиняет философию чуть ли не во всех бедах государства — и тогда закрываются философские факультеты, а люди, занимающиеся философией, всячески третируются, — сама философия, оставаясь свободным внутренним достоянием мыслителя, никуда не девается; она лишь меняет свое обличье, претворяясь в литературу или искусство, и, ускользнув от бдительного ока власти, продолжает воздействовать на культуру и исподволь готовить ее преобразование.

Политическая власть нуждается в независимых от нее философах. Как писал И. Кант, «короли или самодержавные (самоуправляющиеся по законам равенства) народы не должны допустить, чтобы исчез или умолк класс философов, а должны дать ему возможность выступать публично; это необходимо и тем и другим для внесения ясности в их деятельность» [89, с. 289]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что философия не должна быть оторвана от реальности. На эту проблему обращает внимание В. И. Плотников. Сами по себе идеи, пишет

он, как известно, не в состоянии изменить действительность. Если идеи являются ложными с самого начала, то они с неизбежностью рушатся при первом же соприкосновении с практикой. А если идеи вытекают из самой жизни людей, то указание на «доктринальные причины» неудач свидетельствуют только о том, что мыслящие последователи доктрины на каком-то этапе превратились в доктринеров, не желающих или неспособных сопоставлять социальные идеи, цели и идеалы с реальностью [157, с. 6].

Алан Бадью видел основную задачу философии в том, чтобы подвергать политику оценке [17, с. 178]. Специалисты с философским образованием способны дать компетентную оценку действиям политической власти и выработать рекомендации по ее корректировке.

Проблема диалога с философами в условиях кризиса стратегических ориентиров развития стоит и перед современной политической властью. В настоящее время в Совете Федерации действует новый формат заседаний — «Время эксперта» — практика выступлений с докладами ученых, журналистов, лидеров общественного мнения на заседаниях верхней палаты парламента. Предполагается, что приглашенные специалисты повысят уровень информированности депутатов относительно актуальных общественных проблем. На сегодняшний день в числе выступающих были Сергей Рогов, Дмитрий Быков, Владимир Соловьев, Карен Шахназаров, Татьяна Черниговская. В качестве эксперта на заседании «О молодежной политике в Российской Федерации» была приглашена видеоблогер Саша Спилберг, контент на «Ютуб» канале которой посвящен косметике, покупкам и другим неактуальным для государства и общества вещам. Мы понимаем желание депутатов привлечь к работе представителей молодого поколения, но считаем, что кандидатуры выступающих следует отбирать более тщательно. Среди выступающих также не было ни одного специалиста с философским образованием, что, с нашей точки зрения, снижает эффективность работы данного формата заседаний.

2. Систематическая организация прямых линий на региональном и местном уровнях власти: с главой республики, губернатором, главой администрации, главой собрания депутатов.

При проведении прямых линий с президентом поступает много вопросов, входящих в компетенцию органов региональной и местной власти. Часто случается, что они даже не пытаются решить проблему, попросту замалчивая ее, пока информация посредством прямой линии не дойдет до президента. Принцип федерализма предполагает разграничение предметов ведения и полномочий между властями. Запросы к власти должны поступать по назначению на соответствующих уровню прямых линиях. Это позволит осуществлять контроль за дельта-результатом на региональном уровне, не привлекая федеральные власти к решению локальных проблем. Повышение самостоятельности региональной и местной власти является необходимым условием развития гражданского общества в условиях демократии.

3. Повышение политической грамотности населения.

Оно включает в себя распространение знаний о способах перераспределения субъектности, причинах необходимости политического участия, его легитимных и нелегитимных формах, объяснение важных политических понятий, таких как демократия, диктатура, политический режим, суверенитет и т. д.

Г. А. Алмонд, С. Верба важную роль в формировании гражданской культуры и навыков политического участия отводили обучению. Для этого необходимо: научить тому, как получать информацию; познакомить со средствами массовой информации; дать знания о формальных политических структурах, равно как и о значении правительственных и политических институтов. Посредством обучения можно передавать и сформулированные нормы демократического участия и ответственности [4, с. 13].

В сентябре 2017 года в школах Краснодарского края были введены «информационные пятиминутки», напоминающие занятия по политинформации

в СССР. Сегодня они представляют собой обсуждение в классе перед началом уроков просмотренных накануне дома новостей, что позволяет детям быть в курсе текущих в стране и в мире событий. В Ульяновской области предложили открыть для учителей специальные страницы в Интернете, где содержались бы материалы для обсуждения на пятиминутках на исторические, политические, социальные или международные темы. Во многих школах также проводятся «Разговоры о главном», на которых обсуждаются с детьми насущные социально-политические проблемы. С нашей точки зрения, распространять политически значимые знания необходимо не только в школах, но и в университетах и по возможности на рабочих местах.

4. Повышение политической грамотности политиков.

Их обучение работе с дельта-результатом, повышение их политической культуры, повышение лингвистической политической культуры (отсутствие в лексиконе языка вражды, аргументация высказываемых тезисов), оперирование проверенной информацией, осознание ответственности за политические обещания. При этом профессионализация политики не должна отменять представительность политической власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов, А. Н. Системное познание мира / А. Н. Аверьянов. — М.: Политиздат, 1985. — 263 с.
2. Агамбен, Д. Средства без цели. Заметки о политике / Д. Агамбен. — М.: Гилея, 2015. — 148 с.
3. Адорно, Т. В. Исследование авторитарной личности / Т. В. Адорно. — М.: Астрель, 2012. — 473 с.
4. Алмонд, Г. А. Гражданская культура и стабильность демократии [Электронный ресурс] / Г. А. Алмонд, С. Верба. — URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf.
5. Анкерсмит, Ф. Политическая репрезентация / Ф. Анкерсмит. — М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. — 287 с.
6. Арндт, Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Х. Арндт. — СПб.: Алетейя, 2000. — 430 с.
7. Арндт, Х. Лекции по политической философии Канта / Х. Арндт. — СПб.: Наука, 2012. — 302 с.
8. Арндт, Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений о политической мысли / Х. Арндт. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. — 416 с.
9. Арндт, Х. О насилии / Х. Арндт. — М.: Новое изд-во, 2014. — 148 с.
10. Аристотель. Политика / Аристотель. — М.: Эксмо, 2015. — 320 с.
11. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. — СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2016. — 320 с.
12. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон. — М.: Прогресс: Универс, 1993. — 606 с.
13. Арсеньев, А. С. Анализ развивающихся понятий / А. С. Афанасьев, В. С. Библер, Б. М. Кедрова. — М.: Наука, 1967. — 439 с.
14. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали. — М.: Междунар. отношения, 1993. — 133 с.

15. Бабич, О. М. К вопросу о субъектности личности [Электронный ресурс] / О. М. Бабич. — URL: <http://root.elima.ru/articles/?id=499>.
16. Бадретдинов, З. А. Смысл властного действия / З. А. Бадретдинов // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Культурология. — 2008. — № 11 (112). — С. 38—47.
17. Бадью, А. Метapolитика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метapolитике / А. Бадью. — М.: Логос, 2005. — 240 с.
18. Баева, Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: монография / Л. В. Баева. — М.: Прометей. МПГУ, 2003. — 240 с.
19. Байтин, М. И. Государство и политическая власть / М. И. Байтин. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. — 239 с.
20. Бакунин, М. Анархия и Порядок / М. Бакунин. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 701 с.
21. Барт, Р. Война языков. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — М.: Прогресс. Универс: Рея, 1994. — 615 с.
22. Барышков, В. П. Аксиология личностного бытия / В. П. Барышков. — М.: Логос, 2005. — 192 с.
23. Баталов, Э. Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века: из истории политической философии современности / Э. Я. Баталов. — М.: Прогресс-Традиция, 2010. — 374 с.
24. Батишев, Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батишев. — М., 1969.
25. Батлер, Дж. Психика власти: теории субъекции / Дж. Батлер. — СПб.: Алетейя. — 2002. — 168 с.
26. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. — М.: Весь мир, 2004. — 188 с.
27. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. — М.: Логос, 2005. — 390 с.

28. Бауман, З. *Текущая современность* / З. Бауман. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
29. Бек, У. *Общество риска. На пути к другому модерну* / У. Бек. — М.: Прогресс-традиция, 2000. — 381 с.
30. Бенетон, Ф. *Введение в политическую науку* / Ф. Бенетон. — М.: Весь мир, 2002. — 368 с.
31. Бжезинский, З. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы* / З. Бжезинский. — М.: Междунар. отношения, 2005. — 256 с.
32. Бжезинский, З. *Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство* / З. Бжезинский. — М.: Междунар. отношения, 2006. — 288 с.
33. Бжезинский, З. *Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис* / З. Бжезинский. — М.: АСТ, 2015.
34. Бибихин, В. *Язык философии. Мир* / В. Бибихин. — СПб.: Азбука, 2015. — 443 с.
35. Библер, В. С. *Предметная деятельность в концепции Маркса и самодетерминация индивида [Электронный ресурс]* / В. С. Библер. — URL: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/426>.
36. Бледный, С. Н. *Язык как фактор манипулятивного управления массовым сознанием в социальной философии А. А. Богданова* / С. Н. Бледный // *Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия.* — 2004. — № 3. — С. 178—181.
37. Блинов, А. С. *Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка* / А. С. Блинов. — М.: МАКС Пресс, 2003. — 150 с.
38. Блондель, Ж. *Политическое лидерство: путь к всеобъемлющему анализу* / Ж. Блондель. — М., 1992. — 135 с.
39. Бодрийяр, Ж. *В тени молчаливого большинства* / Ж. Бодрийяр. — М.: ПОСТУМ, 2010. — 344 с.
40. Бодрийяр, Ж. *Симулякры и симуляции* / Ж. Бодрийяр. — М.: ПОСТУМ, 2016. — 238 с.

41. Болл, Т. Власть / Т. Болл // Полис. — 1993. — № 5. — С. 36—42.
42. Бондарь, О. Ю. Глобализация и ее философские проблемы / О. Ю. Бондарь // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия, 2012. — № 3. — С. 131—141.
43. Борисенков, А. А. О политических отношениях и их видах / А. А. Борисенков // Проблемы политики и общества. — 2013. — № 7. — С. 141—167.
44. Борисов, Е. Практический поворот в постметафизической философии / Е. Борисов, И. Инишев, В. Фурс. — Вильнюс: ЕГУ, 2008. — 212 с.
45. Будон, Р. Место беспорядка: Критика теорий социального изменения / Р. Будон. — М.: Аспект пресс, 1998. — 283 с.
46. Бурдьё, П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989—1992) / П. Бурдьё. — М.: Дело, 2016. — 720 с.
47. Бьюкенен, П. Смерть Запада / П. Бьюкенен. — М.: АСТ, 2007. — 444 с.
48. Валентей, Т. Н. Язык, идеология, власть: три составляющие сохранения политической стабильности в обществе / Т. Н. Валентей // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). — 2005. — № 2. — С. 78—86.
49. Валлерстайн, И. Закат империи США: Кризисы и конфликты / И. Валлерстайн, С. Амин, С. Джордж. — М.: МАКС Пресс, 2013. — 248 с.
50. Василенко, И. А. Удастся ли защитить общечеловеческие ценности? / И. А. Василенко // Вестник Российской академии наук. — 1997. — Т. 67, № 6. — С. 514—524.
51. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
52. Власть в русской языковой и этнической картине мира / под ред. С. В. Ермакова. — М.: Языки славян. культуры, 2004. — 408 с.
53. Восканян, А. Г. Значимость коммуникационных средств интернета в современной политике / А. Г. Восканян, Ю. М. Почта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология. — 2013. — № 3. — С. 79—97.

54. Гавриш, Н. Г. Воздействие самопрезентации в предвыборных текстах масс-медиального дискурса / Н. Г. Гавриш // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. Вып. 35. — 2009. — № 30 (168). — С. 64—71.
55. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. — СПб.: Наука, 2006. — 477 с.
56. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс. — М.: Праксис, 2011. — 343 с.
57. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. — М.: Весь мир, 2004. — 116 с.
58. Гиренок, Ф. И. Клиповое сознание / Ф. И. Гиренок. — М.: Проспект, 2016. — 254 с.
59. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения. Т. 2. — М.: Мысль. — 545 с.
60. Гобозов, И. А. Философские проблемы политики / И. А. Гобозов. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 320 с.
61. Гомеров, И. Н. Политическая субъектность в структуре политических отношений: теория и российские реалии / И. Н. Гомеров. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2011. — 885 с.
62. Грачев, Г. В. Информационные технологии политической борьбы в российских условиях / Г. В. Грачев // Полис. — 2000. — № 3. — С. 148—156.
63. Губин, В. Д. Борьба с памятью. Истоки беспамятства / В. Д. Губин // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2017. — № 4-2 (10). — С. 231—238.
64. Губин, В. Д. Проблема освобождения: альтернативные горизонты / В. Д. Губин // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2008. — № 7. — С. 253—264.
65. Гумбольдт, В. фон. О пределах государственной деятельности / В. фон Гумбольдт. — Челябинск: Социум, 2009. — 287 с.

66. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1985. — 436 с.
67. Гуссейнов, А. А. Возможно ли моральное обоснование насилия? / А. А. Гуссейнов // Вопросы философии — 2004. — № 3. — С. 19—28.
68. Гуссейнов, Г. Язык и травма освобождения [Электронный ресурс] / Г. Гуссейнов. — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/gg14.html>.
69. Даль, Р. А. Демократия и ее критики / Р. А. Даль. — М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003. — 574 с.
70. Даль, Р. А. Полиархия: участие и оппозиция / Р. А. Даль. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010. — 288 с.
71. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. — 310 с.
72. Делез, Ж. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 670 с.
73. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. — Екатеринбург: Деловая кн., 1998. — 480 с.
74. Демократия в российском зеркале: монография / ред.-сост. А. М. Мигранян, А. Пшеворский. — М.: МГИМО-Ун-т, 2013. — 519 с.
75. Джаббаров, В. Х. Генезис научных представлений о понятии «гражданин» / В. Х. Джаббаров // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2011. — Т. 13, № 2 (2). — С. 272—277.
76. Дугин, А. Г. Теория многополярного мира / А. Г. Дугин. — М.: Евразийс. движение, 2013. — 532 с.
77. Дугин, А. Г. Философия политики / А. Г. Дугин. — М.: Арктогея, 2004. — 614 с.
78. Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже. — М.: Академ. проект, 2002. — 560 с.
79. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — М.: Наука, 1991. — 572 с.

80. Жижек, С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. — М.: Дело, 2014. — 528 с.
81. Жувенель, Б. Власть. Естественная история ее возрастания / Б. Жувенель. — М.: ИРИСЭН: Мысль, 2010. — 544 с.
82. Иванов, В. В. Теория государства / В. В. Иванов. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010. — 288 с.
83. Ильин, А. Н. Наше потребительское настоящее / А. Н. Ильин. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016. — 329 с.
84. Ильин, И. П. Постмодернизм — от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. — М.: Интрада, 1998. — 258 с.
85. Ильин, М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М. В. Ильин. — М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1997. — 432 с.
86. Ионин, Л. Политкорректность: дивный новый мир / Л. Ионин. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. — 112 с.
87. Искусство управления. Труды китайских мыслителей. — М.: Медков С. Б., 2013 — 272 с.
88. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Каннети. — М.: АСТ, 2014. — 574 с.
89. Кант, И. К вечному миру // Сочинения: в 6 т. Т. 6. — М.: Мысль, 1966. — 512 с.
90. Капустин, Б. Г. Гражданство и гражданское общество / Б. Г. Капустин. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2011. — 224 с.
91. Кара-Мурза, С. Г. Демонтаж народа: учеб. межнац. отношений / С. Г. Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2015. — 704 с.
92. Каспэ, С. Политическая форма и политическое зло / С. Каспэ. — М.: Шк. граждан. просвещения, 2016. — 216 с.
93. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер. — М.: Высш. шк., 1993. — С. 108—123.
94. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. — М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. — 590 с.

95. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа / Дж. Кин. — М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. — 308 с.
96. Коваль, Б. И. Власть versus политика / Б. И. Коваль, М. В. Ильин // Полис. — 1991. — № 5. — С. 155—163.
97. Кожев, А. Понятие власти / А. Кожев. — М.: Праксис, 2007. — 181 с.
98. Кологривова, И. В. Политический язык как идеологический компонент политического процесса в современной России [Электронный ресурс] / И. В. Кологривова. — URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskii-yazyk-kak-ideologicheskii-komponent-politicheskogo-protssessa-v-sovremennoi-ro-0#ixzz3KMdQ5wl0>.
99. Конфуций. Рассуждения в изречениях / Конфуций. — М.: Эксмо, 2013. — 224 с.
100. Корецкая, М. А. Амбивалентность власти: мифологический, онтологический и практический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / М. А. Корецкая. — Казань, 2019. — 42 с.
101. Кравченко, А. В. Знак, значение, знание / А. В. Кравченко. — Иркутск, 2001. — 261 с.
102. Крауч, К. Постдемократия / К. Крауч. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010. — 192 с.
103. Кревельд, М. ван. Расцвет и упадок государства / М. ван Кревельд. — М.: ИРИСЭН, 2006. — 544 с.
104. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского, А. К. Толпыго. — М.: Весь мир, 2013. — 400 с.
105. Критический марксизм: поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / под ред. Г. Ш. Аитовой, А. В. Бузгалина, Л. А. Булавки-Бузгалиной. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 392 с.
106. Крыжановская, О. А. Свобода, воля, власть (философские проблемы социальной и политической воли) / О. А. Крыжановская. — Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 1996. — 163 с.

107. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 387—415.
108. Лассвелл, Г. Язык власти [Электронный ресурс] / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. — 2006. — № 20. — С. 264—280. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/lasswell-06.htm>.
109. Левитин, Д. Путеводитель по лжи. Критическое мышление в эпоху постправды / Д. Левитин. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 272 с.
110. Ледяев, В. Г. Власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев. — М.: РОССПЭН, 2001. — 520 с.
111. Ледяев, В. Г. Формы власти: типологический анализ / В. Г. Ледяев // Полис. — 2000. — № 2. — С. 6—18.
112. Липсет, М. Политический человек: социальные основания политики / М. Липсет. — М.: Мысль, 2016. — 612 с.
113. Лисова, С. Ю. Политическая риторика: лингвистические паттерны / С. Ю. Лисова // Общественные коммуникации, 2009. — № 6. — С. 64 — 73.
114. Лоскутов, В. А. Власть в лабиринтах свободы: монография / В. А. Лоскутов. — Екатеринбург, 2013. — 1008 с.
115. Лукманова, Р. Х. Основные принципы противодействия манипуляции сознанием / Р. Х. Лукманова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. — 2016. — № 1 (31) — С. 43—49.
116. Луман, Н. Власть / Н. Луман. — М.: Праксис, 2001. — 249 с.
117. Льюкс, С. Власть: Радикальный взгляд / С. Льюкс. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010. — 240 с.
118. Магун, А. В. Демократия, или Демон и гегемон / А. В. Магун. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2016. — 154 с.
119. Магун, А. В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени / А. В. Магун. — М.: Нов. лит. обозрение, 2011. — 544 с.
120. Макаренко, А. С. Воспитание гражданина / А. С. Макаренко. — М.: Просвещение, 1988. — 301 с.

121. Макиавелли, Н. Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия / Н. Макиавелли. — М.; Минск: АСТ: Харвест, 2005. — 704 с.
122. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / М. Маклюэн. — М.: Мир, 2005. — 495 с.
123. Макферсон, К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии / К. Б. Макферсон. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2011. — 176 с.
124. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание: Метафорические рассуждения о сознании, символике и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. — М., 1999. — 216 с.
125. Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М., 1956. — 587 с.
126. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе [Электронный ресурс] / К. Маркс. — URL: <http://www.politpros.com/library/14/24/>.
127. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. — М.: АСТ, 2009. — 331 с.
128. Матвеева, Г. Г. Взаимосвязь языка и власти / Г. Г. Матвеева, И. В. Самарина, Л. Н. Селеверстова // Философия права. — 2008. — № 6 (31). — С. 32.
129. Мельвиль, А. Ю. Демократические транзиты / А. Ю. Мельвиль. — М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. — С. 123—134.
130. Минаева, Л. В. Электоральная коммуникация: лингвистический аспект / Л. В. Минаева // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). — 2005. — № 2. — С. 64—77.
131. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера. С. Хантингтона. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 379 с.
132. Мойзес, Н. Конец власти: от залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства, почему управлять сегодня нужно иначе / Н. Мойзес. — М.: АСТ, 2016. — 507 с.

133. Момджян, К. Х. Введение в социальную философию / К. Х. Момджян — М.: Университет, 1997. — 448 с.
134. Московичи, С. Машина, творящая богов / С. Московичи. — М.: Центр психологии и психотерапии: КПС+, 1998. — 556 с.
135. Мосунов, Е. Л. Ментальность политического языка / Е. Л. Мосунов // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2008. — № 7. — С. 55—62.
136. Най, С. Дж. Будущее власти / С. Дж. Най. — М.: АСТ, 2014. — 444 с.
137. Невелев, А. Б. Бытие человека: от приоритета предметности к приоритету энергичности / А. Б. Невелев. — Екатеринбург: Изд-во Урал. акад. госслужбы, 2010. — С. 97—107.
138. Невелев, А. Б. Философия познания: учеб. пособие / А. Б. Невелев, Н. Л. Худякова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2015. — 123 с.
139. Нижников, С. А. Проблемы современной демократии и гражданское общество / С. А. Нижников // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2014. — Т. 6, вып. 1.
140. Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — 442 с.
141. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше. — СПб.: Азбука-классика, 2012. — 236 с.
142. Новикова-Грунд, М. В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе / М. В. Новикова-Грунд // Полис. — 2000. — № 4. — С. 82—93.
143. Новоселова, И. А. Субъектность и деятельность [Электронный ресурс] / И. А. Новоселова. — URL: http://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?-subaction=showfull&id=1108362543&archive=0216&start_from=&ucat=1 (дата обращения 20.01.2016).
144. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман. — М.: Прогресс: Весь мир, 1996. — 351 с.

145. Общественные отношения. Вопросы общей теории / под ред. П. А. Рачкова. — М., 1981. — 267 с.
146. Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты / под ред. В. Б. Устьянцева. — Саратов: Наука, 2006. — 289 с.
147. Огнева, В. В. Политические отношения / В. В. Огнева. — М., 1999. — 137 с.
148. Орехов, А. М. Социальная философия: предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века / А. М. Орехов. — М.: ЛИБРОКОМ, 2011. — 272 с.
149. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. — М.: АСТ, 2002. — 509 с.
150. Оруэлл, Д. 1984 / Д. Оруэлл. — М.: Прогресс, 1984. — 257 с.
151. Парето, В. Трансформация демократии / В. Парето. — М.: Территория будущего, 2012. — 208 с.
152. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс — М.: Академ. проект, 2000. — 880 с.
153. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 270 с.
154. Пивоваров, Ю. С. Русская политическая традиция и современность / Ю. С. Пивоваров. — М.: 2006. — 256 с.
155. Платон. Государство / Платон. — СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с.
156. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер. — М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. — 368 с.
157. Плотников, В. И. Идеальное в структуре исторически являющейся реальности как философская проблема / В. И. Плотников // Идеальное как продукт исторического развития человечества: сб. науч. тр. — Свердловск: УрГУ, 1989. — 144 с.

158. Плутарх. Наставления о государственных делах [Электронный ресурс] / Плутарх. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History-/Plutarh/nastavl.php.

159. Поздняева, С. М. Модернизация России: преграды на пути к современному обществу / С. М. Поздняева // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. — 2016. — № 4 (34).

160. Поздняков, Э. А. Философия политики / Э. А. Поздняков. — М., 1994. — 457 с.

161. Пономарев, Н. Ф. Политические коммуникации и манипуляции / Н. Ф. Пономарев. — М.: Аспект-Пресс, 2007. — 126 с.

162. Поппер, К. Ницета историцизма / К. Поппер. — М.: Прогресс: VIA, 1993. — 185 с.

163. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1: Чары Платона / К. Поппер. — М.: Феникс, 1992. — 446 с.

164. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К. Поппер. — М.: Феникс, 1992. — 525 с.

165. Поппер, К. Пропорциональная система противоречит демократии [Электронный ресурс] / К. Поппер. — URL: http://www.democrasy.ru/curious/democrasy/Popper_democrasy.html

166. Прилукова, Е. Г. Знаково-символическое бытие власти в информационном обществе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Е. Г. Прилукова. — Челябинск, 2013.

167. Психология и психоанализ власти. — Самара: Бахрах-М, 2016. — 816 с.

168. Рансьер, Ж. На краю политического / Ж. Рансьер; пер. с фр. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2006. — 240 с.

169. Рахматуллина, З. Я. Знания без воспитания — меч в руках сумасшедшего / З. Я. Рахматуллина // Вестник Башкирского университета. — 2009. — Т. 14, № 3 (I). — С. 1217—1221.

170. Рейбук, Д. Против выборов / Д. Рейбук. — М.: Ад Маргинем, 2018. — 200 с.
171. Репина, Е. А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат: монография / Е. А. Репина. — М.: ИНФРА-М, 2012. — 91 с.
172. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. — М.: Медиум, 1995. — 233 с.
173. Ритцер, Д. Макдональдизация общества 5 / Д. Ритцер. — М.: Праксис, 2011. — 592 с.
174. Розов, Н. С. Философия и теория истории [Электронный ресурс] / Н. С. Розов. — URL: http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/fti/fti1.htm#_1.4._Карл_Поппер.
175. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. — М.: URSS, 2010. — 534 с.
176. Салихов, Г. Г. Человек в глобализующемся мире: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Г. Г. Салихов. — Уфа, 2010.
177. Салмин, А. М. Современная демократия: очерки становления и развития / А. М. Салмин. — М.: Форум, 2009. — 383 с.
178. Саррацин, Т. Германия: самоликвидация / Т. Саррацин. — М.: АСТ, 2016. — 558 с.
179. Семашко, Л. М. Манифест сферной демократии: нелиберальный проект / Л. М. Семашко. — Телескоп. — 2004. — № 5.
180. Семашко, Л. М. Сферный подход: философия, демократия, рынок, человек. Методология, концепции, проектировки / Л. М. Семашко. — СПб.: 1992. — 190 с.
181. Сергеенко, А. С. Генезис политики как деятельности, направленной на поддержание целостности общества / А. С. Сергеенко // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2012. — № 9 (17).

182. Силичев, Д. А. Проблема гражданского общества и демократии в современной Западной Европе / Д. А. Силичев // Гуманитарные науки. — 2013. — № 1 (9). — С. 13—21.

183. Соловьев, А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации / А. И. Соловьев // Полис. — 2002. — № 3. — С. 6—17.

184. Соловьев, А. И. Политические коммуникации: учеб. пособие / А. И. Соловьев. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 331 с.

185. Спенсер, Г. Личность и государство / Г. Спенсер. — Челябинск: Социум, 2007. — 200 с.

186. Ставцев, С. Н. Язык и позиция субъекта: лакановская структурно-семиотическая концепция субъективности / С. Н. Ставцев. — СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2000. — С. 62—78.

187. Судьба государства в эпоху глобализации. — М., 2005. — 200 с.

188. Технология власти: (Философско-политический анализ) / Р. И. Соколова, У. Матц, В. И. Спиридонова [и др.]; отв. ред. Р. И. Соколова. — М.: ИФРАН, 1995. — 162 с.

189. Токвиль, А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль. — М.: Весь мир, 2000. — 559 с.

190. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. — М.: АСТ, 2004. — 668 с.

191. Тоффлер, Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. — М.: АСТ, 2008. — 569 с.

192. Тузов, М. Л. Очерки классической политической философии: Становление теории реформы как альтернативы революции: учеб. пособие / М. Л. Тузов. — Казань: Казан. ун-т, 2011. — 150 с.

193. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. — М.: Науч. мир, 1998. — 204 с.

194. Уолцер, М. О терпимости / М. Уолцер — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. кн., 2000. — 160 с.

195. Урбинати, Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / Н. Урбинати. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. — 443 с.
196. Утопия / Т. Мор; Город Солнца / Т. Кампанелла; Новая Атлантида / Ф. Бэкон. — СПб.: Азбука, 2017. — 315 с.
197. Ушакин, С. А. Речь как политическое действие / С. А. Ушакин // Полис. — 1995. — № 5.
198. Фадейков, М. В. Насильственная концепция власти: подчинение как результат консенсуса и компромисса / М. В. Фадейков // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Культурология. Вып. 6. — 2008. — № 11 (112). — С. 33—37.
199. Файзуллин, Ф. С. Качественные изменения ценностных ориентаций и ментальности в современной России / Ф. С. Файзуллин // Проблемы востоковедения. — 2015. — № 3 (69). — С. 12—17.
200. Фатенков, А. Н. Кто должен править: люди или законы, массы или личности? Апология экзистенциальной автократии [Электронный ресурс] / А. Н. Фатенков // Полис. — 2005. — № 2. — С. 165. — URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2005/2/Polis-2005-2-Fatenkov.pdf>.
201. Фергюсон, Н. Великое вырождение: как разрушаются институты и гибнут государства / Н. Фергюсон. — М.: АСТ: Corpus, 2016. — 189 с.
202. Филиппов, А. Ф. Самоотдача высшему [Электронный ресурс] / А. Ф. Филиппов. — URL: <https://gefter.ru/archive/17447>.
203. Философы у трона // Логос. — 2015. — Т. 25, № 6. — 320 с.
204. Фишман, Л. Г. Происхождение демократии («Бог» из военной машины) / Л. Г. Фишман. — Екатеринбург: УрО РАН, 2011. — 260 с.
205. Франк, С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // С. Л. Франк. — М., 1992. — 368 с.
206. Фридман, Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / Д. Фридман. — М.: Эксмо, 2010. — 336 с.
207. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. — М.: АСТ, 2014. — 284 с.
208. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм. — М.: АСТ, 2009. — 539 с.

209. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — М.: Ad Marginem, 1999. — 478 с.
210. Фуко, М. Нужно защищать общество / М. Фуко. — СПб.: Наука, 2005. — 311 с.
211. Фукуяма, Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2008. — 282 с.
212. Фукуяма, Ф. Государственный порядок / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2015. — 688 с.
213. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2015. — 576 с.
214. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2010. — 222 с.
215. Фукуяма, Ф. Угасание государственного порядка / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2017. — 704 с.
216. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас. — М.: Весь мир, 2002. — 144 с.
217. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. — СПб.: Наука, 2000. — 377 с.
218. Хабермас, Ю. Политические работы / Ю. Хабермас. — М.: Праксис, 2005. — 361 с.
219. Хайек, Ф. Дорога к рабству / Ф. Хайек. — М.: Полиграфиздат, 2012. — 317 с.
220. Ханипов, А. Т. Интересы как форма общественных отношений / А. Т. Ханипов. — Новосибирск, 1987.
221. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2004. — 635 с.
222. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2006. — 571 с.
223. Хантингтон, С. Третья волна. Демократия в конце XX века / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2003. — 386 с.

224. Харари, Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Н. Харари. — М.: Синдбад, 2018. — 512 с.
225. Хелд, Д. Модели демократии / Д. Хелд. — М.: Дело, 2014. — 539 с.
226. Холл, М. Магия коммуникации. Использование структуры и знания языка / М. Холл. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. — 264 с.
227. Хомский, Н. Государства-изгои: Право сильного в мировой политике / Н. Хомский. — М.: Логос, 2003. — 317 с.
228. Хомский, Н. Государство будущего / Н. Хомский. — М.: Альпина нон-фикшн, 2012. — 104 с.
229. Хомский, Н. Как устроен мир / Н. Хомский. — М.: АСТ, 2014. — 447 с.
230. Хомский, Н. Понимание власти / Н. Хомский. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. — 140 с.
231. Хомский, Н. Системы власти: Беседы о глобальных демократических восстаниях и новых вызовах американской империи / Н. Хомский. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. — 256 с.
232. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. — СПб.: Питер, 2002. — 224 с.
233. Хофмайстер, Х. Воля к войне, или бессилие политики. Философско-политический трактат / Х. Хофмайстер. — СПб.: Гуманитар. академия, 2006. — 288 с.
234. Худякова, Н. Л. Аксиологические основы поведения человека: учеб. пособие / Н. Л. Худякова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. — 109 с.
235. Худякова, Н. Л. Единство и многообразие ценностного мира человека / Н. Л. Худякова // Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира: материалы междунар. науч. конф. (Челябинск, апрель 2012 г.). — Челябинск, 2012. — С. 157—166.
236. Худякова, Н. Л. Можно ли заставлять людей жить, следуя чужим ценностям / Н. Л. Худякова // Бытие человека: проблема единства

во многообразии современного мира: материалы III Междунар. науч. конф. — Челябинск: Цицеро, 2016. — С. 28—35.

237. Худякова, Н. Л. Общезначимое в ценностном мире человека / Н. Л. Худякова // Вестник ЧелГУ: философия, социология, культурология. — 2012. — № 15 (269). — С. 21—27.

238. Худякова, Н. Л. Онтологическое основание возникновения и развития ценностного мира человека: дис. ... д-ра филос. наук / Н. Л. Худякова. — Омск, 2004. — 350 с.

239. Худякова, Н. Л. Сферы общественного производства как инвариантная структура общества / Н. Л. Худякова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 9 (364). Философия. Социология. Культурология. Вып. 36. — С. 60—70.

240. Хунагов, Р. Д. Политическая субъектность: философско-политический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.10 / Р. Д. Хунагов. — Ростов н/Д, 1993. — 20 с.

241. Цвык, В. А. Профессионализация как социальный процесс / В. А. Цвык // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. — 2003. — № 4-5. — С. 258—269.

242. Цыраксон, Р. В. К вопросу о политике в области русского языка и его значении для комплекса имиджевой стратегии и системы безопасности государства / Р. В. Цыраксон, П. Е. Бойко // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2016. — Т. 8, № 1/1. — С. 109—112.

243. Чарльз, Т. Принуждение, капитал и европейские государства / Т. Чарльз. — М.: Территория будущего, 2009. — 328 с.

244. Чернявская, В. Е. Программа политической партии как персуазивный текст [Электронный ресурс] / В. Е. Чернявская, И. Ю. Логинова. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/programma-politicheskoy-partii-kak-persuazivnyy-tekst>.

245. Шабатура, Л. Н. Субъектность как личностная основа развития [Электронный ресурс] / Л. Н. Шабатура. — URL: http://www.culturalnet.ru/main/congress_person/1207.

246. Шампань, П. Делать мнение: новая политическая игра / П. Шампань. — М.: Socio-Logos: АДАПТ, 1997. — 335 с.
247. Шарп, Дж. От диктатуры к демократии / Дж. Шарп. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. — 221 с.
248. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал. — Волгоград, 2000.
249. Шиллер, Ф. Письма об эстетическом воспитании человека [Электронный ресурс] / Ф. Шиллер. — URL: http://www.bim-bad.ru/docs/schiller_aesthetic_education.pdf.
250. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт. — СПб.: Наука, 2016. — 567 с.
251. Штраус, Л. Введение в политическую философию / Л. Штраус. — М.: Логос, Праксис, 2000. — 364 с.
252. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер. — М.: Экономика, 1995. — 539 с.
253. Эйнштейн, А. Почему социализм? [Электронный ресурс] / А. Эйнштейн. — URL: http://www.economicdemocracy.ru/common/why_socialism.php.
254. Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / У. Эко. — М.: Эксмо, 2007. — 592 с.
255. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг: диалектика природы [Электронный ресурс] / Ф. Энгельс. — URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Antiduering/>.
256. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / Ф. Энгельс. — М.: Политиздат, 1989. — 222 с.
257. Юнг, К. Г. Очерки по психологии бессознательного / К. Г. Юнг. — М.: КогитоЦентр, 2010. — 352 с.
258. Янгузин, А. Р. Трансформация духовных ценностей: вопросы теории и практики / А. Р. Янгузин // Кант. — 2017. — № 3 (24). — С. 88—92.

259. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. — 204 с.
260. Яцино, М. Культура индивидуализма / М. Яцино. — Харьков: Гуманитар. центр, 2012. — 280 с.
261. Bloom, A. The closing of the American mind: How higher education has failed democracy a. impoverished the souls of today's students / A. Bloom. — New York: Simon a. Schuster, Cop. 1987. — 392 p.
262. Gillion, D. Q. The political power of protest: minority activism and shifts in public policy / D. Q. Gillion. — Cambridge [etc.]: Cambridge Univ. press, 2013. — 191 p.
263. Kalyvas, A. Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt, and Hannah Arendt / A. Kalyvas. — Cambridge; New York, 2008.
264. Robinson, W. What to Expect from US “Democracy Promotion” in Iraq / W. Robinson // New Political Science. — 2004. — Vol. 26, no. 3. — P. 441—447.
265. Rudalevige, A. The new imperial presidency: renewing presidential power after Watergate / A. Rudalevige. — Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 2005. — 358 p.
266. Society and Power. An introduction / L. Thomas, S. Wareing, I. Singh, J. S. Peccei. — London: Routledge, 2004. — 239 p.
267. The Language of Politics: London; New York: Routledge, 2000. — 136 p.
268. Wright, G. H. The crisis of social science and the withering away of the nation state / G. H. Wright // Associations. — 1997. — No. 1. — P. 49—52.